

СВЕТЛАНА БЕЛЛ

СЕКРЕТНОЕ
СЧАСТЬЕ

Светлана Белл
Секретное счастье

«1С-Публишинг»

2026

Белл С.

Секретное счастье / С. Белл — «1С-Паблишинг», 2026

Светлана Белл — писательница из Уфы, редактор газеты и преподаватель основ журналистики в университете. Свою литературную деятельность начала с детской книги «Крылатый лев», которая вошла в число финалистов литературного конкурса «Территория F» и была выпущена в издательстве «Аквилегия». Со временем Светлана начала пробовать себя в романтическом фэнтези, рассчитанном на взрослую аудиторию. Благодаря её уверенному владению языком и умению рассказывать захватывающие истории результат оказался весьма хорош. Представляем в аудиоформате роман писательницы «Секретное счастье». Перед нами современный мир, чудесным образом включивший в себя магию и волшебных существ. В числе сходств его с миром нашим — предрассудки. Житейское мнение, что замуж следует выходить за человека своего круга, старо как мир. И граф, несмотря на всю любовь к дочери и пожелание ей счастья, намерен добиться, чтобы она стала женой аристократа. Меж тем юная Элли увлечена простолюдином. Это опасно в первую очередь для её избранника, ведь законы очень строги на сей счёт, и парня может ждать тюрьма. Однако Элли бросает вызов обществу и собственному отцу. На чьей стороне в итоге окажется граф и как эта история изменит судьбу не только семьи, но и, возможно, всего королевства? Интриги и предательство, борьба за любовь, семейная драма, сказка и реальность — всё сплелось в этой красивой истории. Послушайте её, не пожалеете! Использована музыкальная композиция «Simplicity by Scott Buckley» (www.scottbuckley.com.au) Лицензия CC-BY 4.0 © Светлана Белл ©&® ООО 1С-Паблишинг

© Белл С., 2026
© 1С-Публишинг, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Белл

Секретное счастье

Глава 1

Синие мотыльки

В августе над графским замком вновь закружили синие мотыльки. Они порхали над розами, украшали деревья, точно фонарики, и весело танцевали в вечернем небе. Пожилой граф, владелец поместья Розетта, поглядывал на них с тревогой. Помнил, что синие мотыльки – предвестники больших перемен.

«Много лет назад, когда я решил жениться, в нашем саду тоже было много синих мотыльков. Значит, это хороший знак, – успокаивал себя граф. Но тут же печально вздыхал: – Но и перед тем, как мы с женой расстались, их налетела тьма! Так что же – к добру или к беде? Ох, узнать бы наверняка... Да и к чему мне перемены? Жить бы да жить спокойно!»

– Не волнуйся, папа, – улыбнулась Элли, когда граф поделился с нею сомнениями. – Все будет хорошо: мотыльки такие красивые! Вот если бы это были летучие мыши... – она поежилась.

– Ну, нашествие летучих мышей случается редко, разве что наколдует кто-нибудь. А чародеи в наших краях не водятся, – граф ласково погладил дочь по светлым вьющимся волосам. Они рассыпались по хрупким плечам, заблестели под вечерним солнцем, и граф вздохнул: как быстро выросла его принцесса! Видно, пришло время подумать о достойном женихе. Есть один хороший человек на примете...

Элли, младшая дочь, приехала в графский замок, чтобы провести здесь каникулы перед выпускным классом, и наполнила Розетту очарованием юности. Она любила отца и не давала ему тосковать. Вечерами они бродили по ухоженным аллеям старого сада или, прихватив блюдо с фруктами, разговаривали в ажурной беседке. Рядом тихо посапывал пожилой серый цербер Рик – три крупные собачьи головы давно поседели. Рик был верным другом, но в последние годы – не слишком чутким охранником.

Дочь рассказывала про школу, подруг, суетливую жизнь в шумном городе Листе с небоскребами, автострадами и торговыми центрами, похожими на великанские стеклянные кубики. Большой город графа не волновал – он привык жить в поместье. Что за жизнь там, где нет ни холеных коней, ни цветов, ни даже церберов? Но ему нравилось слушать белокурую девочку.

– У тебя хорошо! – говорила Элли. – А какая природа! Вчера мы с Нитой заметили на полянах единорогов. Жаль, что они такие пугливые.

– С Нитой? А кто это? – встрепенулся граф. Единороги его не удивили – они встречались в здешних краях чаще оленей: появлялись внезапно, как призраки, смотрели на людей издали умным, сторожким взглядом и исчезали в зеленых долинах.

– Ну что ты! – рассмеялась Элли. – Наша Ранита!

– А, горничная... – граф успокоился и поинтересовался. – Как она тебе? Смотрю, вы нашли общий язык?

– Конечно. Мы играем в теннис, гуляем, слушаем музыку.

– И все-таки, дочка, не забывай, что она всего лишь прислуга, – мягко напомнил граф. – Не позволяй ей лишнего, не стесняйся что-то требовать. Если что, сразу ставь на место либо сообщай мне или Генриору. Хорошо?

– О чем ты говоришь! – всплеснула руками Элли. – Она моя подруга. Удивляюсь твоим предрассудкам.

Граф хотел возразить: «Это не предрассудки, а традиции!», но, кашлянув, погладил Рика по левой голове (тот довольно фыркнул) – и промолчал. Он вспомнил, что Ранита не нравится дворецкому Генриору, – тот называет ее вертушкой, пустышкой и советует отправить на все четыре стороны от греха подальше. Но разве граф может избавиться от девушки, которая стала приятной компаньонкой для его принцессы?

– Ранита очень хорошая! – весело проговорила Элли.

– Да, неплохая. Живчик – не то, что иные сонные мухи, – поспешно согласился граф, будто продолжая спорить со строгим дворецким. – Может, не слишком работающая, зато тебе не скучно.

– Здесь не скучно, а в городе тоска, – призналась Элли, отщипнув от пышной грозди сочную зеленую виноградинку. – Подружки разъехались, мама вечно занята. Кстати... – Элли помедлила, но всё-таки сказала: – Знаешь, мама разводится с мужем.

Графу показалось, что к сердцу приложили теплую грелку. Он и сам не понял, почему известие о женщине, которая давно ему не жена, остро и радостно его взволновало. Выдержав для приличия солидную паузу, граф взъерошил седоватые волосы, задумчиво коснулся крупного носа и спросил, старательно изображая равнодушие:

– Как же так – разводится? Почему? Ведь они и поженились, кажется, недавно.

– Не знаю, я не лезу в их отношения.

– Бедная моя девочка... Ты, наверное, устала слушать их скандалы!

– Да нет, они не ссорятся, только молчат. Мне кажется, им не о чем говорить. Так-то ее муж неплохой, решает мне задачки – правда, мама это не одобряет.

– Мама права: учиться надо хорошо, – мягко проговорил граф, рассердившись на себя: вот еще, вспомнил былое, затрепетал, как подросток. – Посмотри на брата с сестрой. Андреас окончил университет, получил достойное образование, пишет диссертацию о ледяных драконах. А Милена? Тридцать лет красавице, а в голове ветер. Институт бросила, замуж дважды сбегала, никак свой причал не найдет. Вот тебе, моей принцессе, семнадцати нет, но ты гораздо серьезнее! – граф не обратил внимания, что Элли торопливо отвела взгляд и принялась очень внимательно разглядывать замысловатый узор на тарелке. – А Милена? Взрослая дама, ей бы детей рожать, домом заниматься – а она порхает, как бабочка! – граф тяжело вздохнул и проводил глазами синего мотылька. Но, заметив, как нахмурилась Элли, вспомнил, что та очень привязана к сестре, поэтому поспешил исправиться: – Милена, конечно, славная, приветливая. Но слишком своенравная. Самая старшая – и самая сложная.

– Неужели сложнее Берри?

– Ох, ну это другое дело... – шевельнув широкими плечами, граф расстегнул две перламутровые пуговицы на бирюзовом сюртуке – тесноватым он стал, пора сказать Генриору, чтобы кухарка не подавала к ужину сдобы. Поправив загнувшуюся манжету, граф устало проговорил: – Видишь ли, Элли, эту историю я не хочу ворошить. Твоему брату было пятнадцать, когда он исчез. Десять лет прошло – срок немалый. Мы искали его... О, как искали! Детективы, чародеи, гадалки – и что? Ничего. Я бы всё отдал, чтобы сын нашелся. Но годы идут. Надежды, что мы встретимся, почти нет.

– А мама верит, что он жив.

– Это помогает ей справиться с горем. ...Смотри, Генриор несет нам напитки, а я как раз хотел выпить морса!

Генриор, проработавший в Розетте три десятилетия и давно превратившийся из незаметного дворецкого в незаменимого помощника, аккуратно поставил на круглый деревянный стол чеканный поднос с изящными хрустальными бокалами, похожими на шахматных королей. Выпрямился – высокий, седой, серьезный.

– Мне подумалось, вам будет приятно освежиться. Вечер сегодня душный.

– Ты, как всегда, вовремя, Генриор, – кивнул граф, с удовольствием отпивая из бокала малиновую прохладу.

– Мы говорили про Берри, – Элли внимательно посмотрела на дворецкого. – Мама считает, что он вернется. А вы?

– Конечно. Этим и живу, – немедленно отозвался Генриор. – Кстати, Берри очень вас любил, называл куклой и любил катать на плечах.

– Я помню! – улыбнулась Элли.

– Всё, хватит, хватит воспоминаний! – граф поставил на стол бокал с недопитым морсом. – Сердце от них болит. Былого не воротишь.

Генриор не ответил. Он церемонно кивнул и с достоинством удалился, а граф вздохнул и потрепал мохнатого Рика.

– Папа, а каким Генриор был в молодости? – глянула на отца Элли. – Неужели обычным слугой? Я Розетту без него и представить не могу!

– Обычным слугой? – граф задумался. – Да нет, он и прежде отличался от других. Правда, старина любит в эту роль поиграть. Мол, я дворецкий, чего изволите? Фрукты принесу, гостей встречу... Но все это мишура, понимаешь? Он мудрый человек, разговаривать с ним – одно удовольствие. Вы-то, дети, птички залетные, нечасто к старику заглядываете. На Генриоре весь замок держится. Он надежный – вот что главное, – граф достал серебряные часы на цепочке, покачал головой. – А ведь время-то как спешит! Поздно уже. Пора бы отдохнуть.

– Да, пойду к себе. Доброй ночи!

– Спокойной ночи, родная.

Граф качнул плечом, смахивая синего мотылька. Он так и не заметил, что в глазах дочери пляшут искры горячего, веселого волнения, предвкушения ярких событий.

Глава 2

Любишь сидеть у костра?

В светлой комнате Элли обстановка была небогатая, но уютная. Когда-то там покачивалась колыбель, заботливо спрятанная под нежной кисеей, а возле стен теснились белые и розовые шкафчики с куклами и пирамидками. Но время шло, и, когда Элли стала школьницей, отец распорядился устроить для нее кабинет. Внесли резную мебель – непомерно дорогую. «За таким же секретером занимался принц Корбе!» – гордо говаривал граф, довольно похлопывая по блестящей кофейной столешнице.

Но когда комнату посетила маленькая хозяйка – а Элли тогда было не больше семи лет – граф огорчился. Элли недовольно глянула по сторонам, потрогала комод с инкрустацией, заглянула в шкаф, посверкивающий бронзовыми ручками-львами, и капризно заявила:

– Нет, папа, тут я ночевать не буду! Я в город поеду, домой.

– Почему, принцесса? – переполошился граф. – Тебе не понравилось?

– Да здесь же – как в школе, в кабинете директора!

– Подожди, крошка, – засуетился граф. – Зачем домой? Тебя и так нечасто ко мне привозят. Скажи, чего ты хочешь, и твоя комната будет такой. Я ведь уже немолод – забыл, что любят маленькие девочки. Мне хотелось, чтобы все было солидно, то есть дорого, понимаешь? Ну, что бы ты хотела увидеть?

– Мне надо подумать! – серьезно заявила Элли, забравшись с ногами на диван, и тут же воскликнула. – Придумала! Я хочу мишек! Занавески с мишками и коврики. И на стенах девочки-мишки. С бантиками.

– С бантиками? – озадаченно промямлил граф. А потом закивал и крепко обнял малышку. – Будут мишки, будут бантики! А пока погостишь в спальне Милены, хорошо?

Не прошло и недели, как комната Элли преобразилась. Вместо массивных шкафов появились невесомые этажерки, вместо громоздкого секретера – легкий письменный стол, вместо тяжелых портьер с кистями – розовые шторы с мишутками на велосипедах. А на белых стенах красовались веселые медведицы с огромными, похожими на синих мотыльков, бантами. Увидев такую красоту, Элли засмеялась и принялась обниматься с отцом.

С тех пор прошло много лет, но мишки из комнаты Элли не исчезли. Раз в три года в замке устраивали ремонт, но граф, помня о желании младшей, всегда просил нанести на стены тот же рисунок, который ей приглянулся.

А Элли не хотела огорчать отца, поэтому так и не объяснила, что мишки с бантиками ей давно уже не интересны.

Едва сгустились сумерки, Элли выпустила из комнаты случайно влетевшую бабочку, задернула занавески и почувствовала, что в сердце тоже впорхнули синие мотыльки. Она принялась торопливо вытаскивать из шкафа деревянные плечики, на кровать полетели наряды. «Юбка с воланами слишком романтичная. В белом платье я буду походить на невесту или на привидение. Лимонный костюм чересчур яркий. Конечно, можно надеть штаны с рубашкой – в городе так все одеваются, но здесь все-таки не город...»

В дверь осторожно постучали, и Элли, накинув клетчатый плед на разбросанную одежду, тихо отозвалась:

– Кто там?

– Это я, леди, – раздался приглушенный девичий голос, и Элли впустила Раниту. Та уже переделалась из форменного синего платья в облегающие брюки и черную майку с выразительным декольте и походила не на горничную, а на балерину на репетиции.

– Зачем «леди»? Ты же давно называешь меня по имени, – заметила Элли, плотно прикрывая дверь.

– Везде могут быть чужие уши, – спокойно отозвалась Ранита. – Ну что, готова?

– Нет. Не знаю, что надеть, – Элли растерянно развела руками и откинула плед.

– Значит, хочешь понравиться молодому человеку? – понимающе усмехнулась Ранита.

– Хочу одеться, как принято!

– А я бы на твоём месте одевалась не как принято, а как нравится! Всегда бы всё лучшее носила! – заявила Ранита, потрянув прекрасными черными волосами. Элли удивлялась, как ей удается скрывать такое великолепие под белой наколкой горничной. – Хорошеньких девчонок везде хватает. А ты – дочь графа, владельца Розетты! Принцесса!

– Да какая разница, чья дочь? У нас в городе никто на это внимания не обращает.

– Так это у вас! А здесь по-другому. Поэтому надевай вот что, – Ранита деловито выудила из вороха одежды бриджи с серебристой цепочкой на поясе и темно-синюю блузку с блестящими пуговками. – Модно, удобно и неприметно. Волосы под кепку спрячь.

– Вот спасибо! – обрадовалась Элли и смущенно добавила: – Отвернись.

– Да не смотрю я! Одевайтесь... леди. И вот что, Элли, будь осторожна. Смотри, чтобы нас не спалили. А то меня выкинут к чертовой матери, если узнают, что я втягиваю тебя в приключения. Колесом из замка покачусь.

– Никто не узнает! – торопливо заверила подругу Элли, но сердце екнуло от нового ощущения риска. – А если что, скажу, что сама за тобой увязалась.

– Никаких «если что»! Готова?

– Да!

– Вот это я понимаю... – одобрительно кивнула Ранита, оглядывая подружку. – Красивая. Жаль, в темноте толком не разглядишь. Ну, ничего, парни разожгут костер.

* * *

Скромные деревушки, ютившиеся у глинистых холмов, разительно отличались от Лесного – необъятной местности, где располагались дворянские замки. Селяне не мозолили глаза высокомерным соседям, но охотно продавали им молоко, мясо и овощи, за которыми на местный рынок приходили слуги богачей.

Особенно повезло жителям Ключей – эта деревня находилась ближе других к старинным поместьям. Нехитрые крестьянские товары раскупались в мгновение ока, а удачливые сельчане нанимались работниками к местным графам или князьям. Желających было немало. Чем плохо жить, как в королевском дворце, сладко есть, не горбатиться в поле, да еще и прилично зарабатывать? Вот и бойкая Ранита, выросшая в Ключах, с детства к этому стремилась и при первой возможности пристроилась горничной в Розетту.

В этом краю сотни лет назад установились незыблемые правила, которые не смогла разрушить даже современность с ее автомобилями, электричеством, радио и газетами. Бывало, что дворянские мальчики играли с сельскими ребятами, но родители с обеих сторон этого не одобряли. Несколько раз деревенские девчата, нанявшиеся горничными в усадьбы, ухитрились охмурить юношей «из благородных», но это было неслыханным событием, о котором говорили годами. Такие браки обычно распадались: страсть проходила, юноша осознавал, что женитьба ломает карьеру и рушит семейные связи. За разбитое сердце выплачивались солидные отступные – в накладе неудачливые женушки не оставались.

А вот сельские ребята, хоть и поглядывали на дворянок с интересом, держались от них подальше – все знали, что за связь с богатой красавицей можно лишиться головы. Ведь королевский указ, подписанный лет триста назад, никто не отменял.

Элли, родившаяся в Розетте, помнила мягкие отцовские наставления: «Не ходи по лесу одна, принцесса, ведь туда заходят деревенские парни. Мало ли, что у них на уме!»

Но сегодня после обеда, когда все разошлись, Ранита, убирая со стола посуду, поинтересовалась у Элли, которая от нечего делать ей помогала:

– Элли, а ты любишь сидеть ночью у костра, смотреть на звезды?

– Не знаю, – пожалала плечами Элли. – Я никогда не гуляла ночами.

– Да ну! – изумилась Ранита. – Да быть такого не может! Вот я в твоём возрасте... Ладно, не буду тебя смущать, – Ранита усмехнулась и ловко принялась складывать стопкой тарелки.

– Ты говоришь, будто годишься мне в бабушки, а ведь не намного старше! – рассмеялась Элли.

– Намного. Тебе ещё семнадцати нет, а мне уже двадцать. Вот что хочу предложить... – Ранита поставила тарелки на серебряный поднос, понизила голос, и Элли заинтересованно замерла. – Устроим ночной пикник! Озеро, костер... Может, единороги на поляну выйдут – ночью они не такие пугливые. Представляешь, как хорошо?

– Будем вдвоем жечь костер? – брови Элли поползли вверх. – Знаешь, это странно.

– Ну что ты говоришь! – Ранита перешла на шепот. – Конечно, с нами будут мальчики. Очень хорошие, ты не подумай! Кстати, у тебя ведь нет парня?

– Нет, – развела руками Элли. – Я пару месяцев дружила с Максом из соседней школы, но перед каникулами мы поссорились. Мне он не нравится – красивый, умный, но надувается, как индюк, изображает из себя что-то.

– Да знаю, бывают такие... – в глазах Раниты мелькнуло нечто странное, болезненное. Но, стряхнув наваждение, она весело прошептала: – Мой жених Серж и его друг Ден приглашают отдохнуть ночью возле лесного озера. Пойдем вместе! Посидим, поболтаем, музыку послушаем. Ден на гитаре играет, как артист. Прогуляемся?

– Нет, что ты! – замотала головой Элли и отчего-то покраснела. – Ведь это нельзя! Совсем нельзя.

– Что – нельзя? – Ранита подвинула поднос на край стола, огляделась и выпрямилась. – Что именно нельзя-то? Сидеть у костра? На гитаре играть? Кто это запретил?

– Нельзя общаться дворянкам с сельскими мальчиками... – смутившись, выговорила Элли.

– Вот это да! – Ранита прыснула, склонилась к Элли и заговорила прямо в ее крошечное ухо, украшенное бриллиантовой капелькой. – Знаешь, что запрещается? Спать вместе, вот что! А я разве об этом говорю? Я ведь только о прогулке говорю! А ты о чем? Вот так мысли у тебя. Ничего себе! А еще принцесса!

– Да я ни о чем таком и не подумала, что ты! – вспыхнула Элли. – Но ведь папа будет против. Он за меня боится.

– Главное, чтобы ты не боялась, Элли! Конечно, твой отец ничего не должен знать. А старикан Генриор – тем более. Надо, чтобы никто из Розетты не пронюхал. Условие одно – тайна!

– Тайна... – выдохнула Элли, и это слово ее воодушевило. Вспомнив отцовскую просьбу: «Не ходи в лес одна!», она тут же успокоила совесть: «Я же с Ранитой!» Подумав, она проговорила: – Но ведь мы не сможем уйти незаметно. Поместье охраняет цербер Рик.

– Это не проблема. Я угощу его чаем из сон-травы – меня в деревне научили заваривать. Не беспокойся, он безвредный! Даже полезный: наконец-то выпится монстр трехголовый. В общем, договорились. Зайду за тобой в одиннадцать. Жди.

* * *

Элли открыла окно, и в комнату ворвался воздух позднего вечера, напитанный сосновой смолой, душистым ветром, теплыми травами. Ранита деловито заперла изнутри дверь, погасила свет и, ловко взлетев на подоконник, бесшумной кошкой прыгнула в траву. Элли последовала за ней – торопливо, чтобы не передумать.

– Как думаешь, нас не заметили? – спросила запыхавшаяся Элли, прислонясь к мощному старинному дубу. Девушки добежали до высокого ажурного забора с металлическим узором, окружавшего дворянскую усадьбу. Где-то мирно посапывал трехголовый Рик. Элли понимала, что сон-трава для него безвредна, но все же чувствовала себя виноватой.

– Конечно, нет, я всё предусмотрела, – сказала Ранита, вглядываясь в темноту графского сада. – Главное, окна старикана в другую сторону смотрят, а то бы он разглядел. Генриор такой: всё подмечает, филин престарелый.

– Почему ты так его ненавидишь?

– А за что его любить-то, вредного старикашку? «Ранита, вытри пыль!», «Ранита, почему не помогаешь кухарке?», «Ранита, тебя наняли не кофе пить!» «Ранита-Ранита... Окно еще не мыто!» – девушка, кривляясь, так ловко изобразила пожилого дворецкого, что Элли расхохоталась. А потом все-таки сказала:

– Генриор только выглядит строгим, а на самом деле хороший и добрый человек.

– Ха! С графской дочкой – конечно! Понятно, что для принцессы он старичок-добрячок. Ладно, пора нам. Придется через забор перелезть. Это просто: главное – на дуб забраться, а потом соскочим... – Ранита вдруг осеклась, напряженно смерила Элли взглядом. – Подожди, а ты-то сумеешь? Что-то я не подумала, что ты нежная девочка.

– Я сумею, – просто сказала Элли.

Ранита лихо подпрыгнула, живо подтянулась на надежной упругой ветке, вскочила на толстый сук, оттуда взлетела выше – в широкую развилку, касающуюся витога забора, – и через секунду уже весело болтала ногами, обутыми в черные спортивные тапки.

– Ну, давай, леди, это не страшно, я подам тебе руку!

Элли глянула вверх и решилась. Она исцарапала ладони и едва не потеряла кепку, пока карабкалась по сучковатому стволу, но Ранита ее подбадривала:

– Держись крепче, цепляйся за ветку, принцесса!

Наконец Ранита втянула Элли в развилку, облегченно выдохнула и прыгнула через забор в мягкую траву. Элли секунду подумала – и соскочила так же: бесстрашно и безрассудно. Тихо охнула, ударив ногу, потеряла колено, но тут же выпрямилась, поправила сбившуюся набок кепку.

– А ты молодец, смелая! – похвалила ее Ранита. – Ну, давай за мной.

Сумерки давно превратились в ночь – черную и густую, как крепкий кофе. Элли старалась не отставать от Раниты, хотя чувствовала тупую боль в ушибленной ноге и накапывающий страх. Она никогда не гуляла по лесу в темноте, и каждый шорох, каждая хрустнувшая ветка, каждый пронзительный крик ночной птицы гулко отдавались в сердце. Но чем быстрее Элли шагала, тем живее уходила тревога, уступая место легкому и приятному волнению.

Они петляли в ельнике, синий ночной воздух окутывал ароматом горячей хвои и горьковатой полыни. Жутковатая темень леса рассеялась, впереди мелькнул оранжевый огонек, и Ранита весело обернулась к Элли:

– Вот наша полянка. Пойдем скорее!

Элли увидела круглую, словно по циркулю нарисованную, опушку. Возле поблескивавшей под звездами глади лесного озера полыхал уютный костер, над которым склонились две мужские фигуры.

Глава 3

Огонек на опушке

– Эй, мы здесь! – звонко крикнула Ранита, и парни вскочили.

Ранита дернула оробевшую Элли за рукав синей блузки, потянула за собой, а потом рассмеялась, оставила ее и побежала навстречу худощавому молодому человеку в светлой рубашке с короткими рукавами.

– Ну, Серж, как ты тут без меня?

– Соскучился, моя красавица, – улыбнулся Серж и поцеловал Раниту в губы и волосы.

Смущенная Элли подошла и остановилась неподалеку, совершенно не зная, куда себя деть. Она подняла глаза, натолкнулась на взгляд второго молодого человека – и вдруг поняла, что стеснение тает, как снежинка в теплой ладошке. В серых глазах высокого крепкого парня плескалось спокойное и приветливое дружелюбие.

– Здравствуй! – улыбнулся он.

– Здравствуй... – отозвалась Элли.

Все присели на сухой валежник возле потрескивающего оранжевого костра, и Ранита манерным жестом указала на Элли:

– Ну, знакомьтесь. Это Элли. Дочь графа – хозяйина замка Розетта.

– Так вы принцесса? – Серж обернулся к Элли, посмотрел на нее внимательно и серьезно. – А что же вы...

Он явно хотел завершить: «Что же вы тогда по лесу болтаетесь, бродите в потемках?», но только удивленно покачал головой. Вздыхнул и проговорил:

– Вы уж извините, леди, у нас тут всё по-простому. Значит, тоже любите ночные прогулки?

– Не знаю, я в первый раз, – призналась Элли и добавила: – Называйте меня по имени, хорошо? Я живу в городе, там не принято говорить «леди».

– Как скажете, – пожал плечами Серж. – Элли – красивое имя. А полное какое? Подождите, угадаю. Элеонора? Элина?

– Не угадаете. Элалия, – неохотно сообщила Элли. – Оно редкое.

Ей не нравилось полное имя – оно казалось ветхим, старушечьим. Отец назвал ее так, чтобы угодить матери, – старой графине Элалии. Элли не помнила бабушку, та давно умерла, но про ее жесткий характер ходили легенды.

– Ребята, Элли можно говорить «ты», мы же не в замке! – весело объявила Ранита. – Смотри, подруга. Это Серж, мой жених. А этот молчун – Ден. Обрати внимание, очень хороший парень!

Ден улыбнулся и подкинул хвороста в костер. Элли окинула его быстрым взглядом и почувствовала, как потеплели щеки, – наверное, оттого, что рядом полыхало жаркое игривое пламя. На лице Дена плясали отблески огня, и Элли поняла, что ей хочется придвинуться к этому парню поближе. Удивившись странному порыву, она, наоборот, села подальше – устроилась рядом с Сержем и Ранитой.

Элли представляла Сержа приземистым, как молодой дубок, невзрачным деревенским работягой – Ранита всегда говорила о нем с пренебрежением. Но оказалось, что Серж похож на Эллиного брата графа Андреаса – среднего роста, стройный и изящно-красивый: правильный профиль, большие глаза. Только Андреас белокурый, а у Сержа волосы темно-русые, коротко стриженные. Элли никогда бы не подумала, что «простецкий сельский мужичок» (а Ранита упоминала о нем именно так) может быть таким привлекательным.

Ден был выше друга и казался взрослее. Крупные черты лица, светлые глаза, густые широкие брови – смазливый красавчиком его точно не назовешь. И прическа обычная – взъерошенные рыжеватые волосы, и одежда неприметная – серые брюки и черная майка. Большой, сильный, сдержанный, он напомнил Элли плюшевого медведя... которого так и тянет обнять.

– Вы уж извините, девушки, графского застолья не будет, у нас тут всё скромно, – развел руками Серж и, легонько отстранив Раниту, скинул салфетку с двух плоских, как блин, жестяных тарелок. На одной дымился печеный картофель и краснели крупно порезанные помидоры, на другой возвышалась горка хорошо прожаренного и посыпанного зеленью мяса. – Не особо элегантное блюдо, но мы старались.

– А мы на королевскую сервировку и не рассчитывали – не тот фасон, – рассмеялась Ранита. Но все-таки сочла нужным похвалить: – Хорошо приготовили – молодцы! Элли, не стесняйся, бери вилку, ешь! Вкуснее вашего мерзкого фуа-гра или гадких устриц! Думаешь, я не пробовала? Да пробовала! На кухне вашей. Фу. Серж, ну что сидишь, налей нам вина!

– Вина? – оторопела Элли и глянула на Раниту огромными глазами.

– Да понемножку же! Что такого? Чего ты испугалась? Оно же домашнее, вишневое. Почти сок!

– Нет, что ты, я не буду... – замотала головой Элли, которая никогда не пробовала ничего крепче кефира. Она забеспокоилась, что Ранита и парни начнут уговаривать, но Ден суховаато произнес:

– Ранита, не приставай к человеку, не хочет – и хорошо. Я тоже не пью.

– Тоже мне, какие правильные... – фыркнула Ранита. – Не хотите – не надо. Тогда, Ден, хоть лимонада Элли предложи. Поухаживай за леди.

Элли зарделась – она хотела было предупредить, что не ждет никаких ухаживаний, но Ден, ловким движением откупорив стеклянную бутылку, аккуратно налил лимонад в картонный стаканчик.

– Держите. Вот так, чтобы не расплескать.

– А мы... всё-таки на вы? – неловко спросила Элли, глотнув лимонада, который приятно защекотал нёбо.

– Можно и на ты, – спокойно отозвался Ден.

– Вот и разговор завязался! – обрадованно воскликнула Ранита, а Серж, пристально глянув на нее, проговорил как бы между делом:

– Слушай, Нита, давай отойдем на пару минут, спрошу кое-что.

– Ну, давай... – пожалала плечами Ранита и обернулась к Элли. – Ты не волнуйся, я сейчас.

Серж и Ранита шагнули в буйные заросли боярышника, и девушка, томно прищурившись, картинно вскинула руки:

– Сударь мой, в чем дело? Сейчас не время для вашей страсти! – и беспечно рассмеялась.

– Слушай, да хватит уже комедию ломать! – вдруг прошипел Серж, схватив Раниту за запястье, да так, что та ойкнула:

– Спятил? Что ты делаешь?! Больно же! – с Раниты мигом слетели хорошие манеры.

– Ты кого сюда привела? Ты на всю голову больная, что ли? Совсем ничего не соображаешь? – если бы неподалеку не искрился костер, у которого остались Элли с Деном, Серж, конечно, раскричался бы, а так ему приходилось возмущаться вполголоса. – Зачем ты принцессу приволокла? Ты что, не понимаешь, что может случиться?

– А что ты на меня орешь? – возмутилась Ранита. – На жену будешь орать, а я тебе не жена!

– Жена или нет – дело десятое. Но мозги-то надо иметь?! Так зачем ты ее в лес притащила? Что за тупые шуточки?

– А что такого? Ты же сам говорил, что можно какую-нибудь девчонку позвать.

– Вот именно, девчонку! Кухарку там или садовницу. Ну, просто так, для болтовни, для компании. А ты кого?

– А чем, скажи мне, тебя не устраивает Элли? Или она хуже кухарки? Гляди-ка, они о чем-то болтают... По-моему, Ден доволен.

– Она-то ладно – мелкая, глупая. Но ты ведь должна понимать, что будет, если граф узнает, что его дочка шатается с деревенскими мужиками! – Серж выдохнул, кивнул в сторону костра и продолжил. – Нет, ее проблемы меня, конечно, не волнуют. И если тебя из замка вышвырнут, я буду только рад. Но неужели ты не соображаешь, что твоему хозяину ничего не стоит на меня или на Дена домогательство повесить? Давайте, пацаны, поболтали с принцессой о цветах и птичках – и смотрите всю жизнь на небо в клеточку. Но тюрьма – это еще ничего! Можно ведь и на плаху попасть! На плаху! Голова с плеч, понимаешь?! Ты этого, что ли, хочешь?

– Ой, Серж, – усмехнулась Ранита и презрительно скривила губы, – да что с тобой? Трусишь, как заяц. Даже противно.

– Не болтай! Противно тебе! А глядеть, как мне на площади башку станут рубить, будет не противно? Да от знакомств с богатеями беды одни! Ты же сама чуть не померла... Разве не помнишь?

– Нет, не помню! Не помню! Всё забыла, ничего вспоминать не хочу! И ты не вспоминай, если хочешь со мной быть! – топнула Ранита. Опасно блеснули в темноте ее черные глаза.

– Вряд ли ты по глупости приволокла сюда принцессу! – Серж еще крепче сжал тонкое Ранитино запястье. – Я тебя хорошо знаю. Это просто замут такой рисковый, да? Азарт? Или у тебя цель какая-то? Меня хочешь испытать? Скажи-ка! Что ты задумала?

– Да отстань ты! – крикнула Ранита и выдернула руку из крепкой ладони Сержа. – Никого я не волокла, она сама за мной увязалась. Девчонка захотела погулять, что такого? Или ты в семнадцать лет этого не хотел? Можешь не дрожать за свою шкуру. Никто ничего не узнает. Ладно, я пошла к ним, а то принцесса, как ты говоришь, разволнуется.

А принцесса не волновалась, она сидела рядом с Деном, смотрела на уютное пламя костра и ощущала себя безмятежно счастливой. Правда, в дальнем уголке души царапалось, как котенок, чувство вины перед отцом – он такую затею никогда бы не одобрил. «Но я ведь просто отдыхаю с надежной подругой и не делаю ничего плохого, даже от вина отказалась!» – сказала себе Элли и, отодвинув неприятные мыслишки в сторону, опять погрузилась в новые радостные ощущения.

Рядом с Деном было хорошо. Он, увидев, как дрожат Эллины пальцы, поднял с бревнышка, встряхнул и накинул на ее плечи плотную голубую куртку. Протянул тарелку с нехитрым угощением. Не ломаясь и не отнекиваясь, сыграл по ее просьбе на рыжей, с потертостями и царапинами, гитаре. У Элли зашлось сердце, едва она услышала незнакомый перебор. Мелодия была щемяще-печальной и такой прекрасной, что по ее пальцам побежал электрический ток.

– Как же ты хорошо играешь... – прошептала ошеломленная Элли. – Будто учился в консерватории.

– Нет, только у деревенского музыканта, – улыбнулся Ден, коснувшись струн. – У нас в Ключах многие парни увлекаются. Учимся друг у друга, чему можем.

– А спой что-нибудь, пожалуйста!

– Нет, это только Серж может. Я не умею петь, Элли.

Он впервые назвал Элли по имени, и она улыбнулась. Какой же он славный, этот большой Ден!

– Да, у Сержа голос хорош! – усмехнувшись, подхватила вернувшаяся к костру Ранита; она нервно потирала запястье. – Ну что, споешь для народа?

Серж, еще не отошедший от перепалки, молча и даже сердито взял гитару, но, когда любовно провел ладонью по струнам, раздражение растворилось в ласковом переборе. Элли понравилось, как Серж поет, – душевно, но без надрыва. Будто не поет даже, а рассказывает историю. Она молча слушала незнакомые слова, придвинувшись к Дену. И вздрогнула – не от страха или волнения, а от нового острого чувства, когда он по-братски, легонько провел большой ладонью по ее светлым волосам, выбившимся из-под мальчишеской кепки. «А мог бы и обнять!» – вдруг подумала она и, покраснев от таких глупых мыслей, снова прислушалась к песне.

Я бродяга, я скептик и циник,
Но держу от приятелей в тайне,
Что люблю страстный танец снежинок,
Когда мир в ледяном урагане.
Бури, ветры – привычное дело,
Нам любые метели знакомы.
Так легко быть и стойким, и смелым,
Если знаешь, что верно ждут дома.

– Хорошая песня, – проговорила Элли, откинув со лба светлую прядь. – А кто ее сочинил?

– Ну... – замаялся Серж и положил гитару в темную траву. – У нас, Элли, много таких песен. Понимаешь, многие наши мужики... мужчины... на заработки на Холодные скалы подались. Там, конечно, опасно: снега, морозы, ледяные драконы. Но зато выгодное это дело. Вот и песенки оттуда.

– Не слушай ты его, Элли! – рассмеялась Ранита и, отодвинувшись от Сержа, глянула на него сердито-веселыми глазами. – Он сам всё сочинил, он у нас вообще выдумщик. А на Холодных скалах он тоже работал – недолго, правда.

– Выдумщик, говоришь? – нахмурился Серж, и Элли увидела, как глаза его стали узкими, будто в них бросили горсть песка. – А может, выдумщик – как раз-таки не я? Ведь ты знаешь, почему я уехал с Холодных скал раньше срока.

– Конечно, знаю! – фыркнула Ранита. – Потому что морозы не по тебе. Тебе южные берега подавай! Или хоть наше озеро.

– Да? Значит, из-за этого я вернулся? Из-за этого?!

Элли растерянно смотрела то на Сержа, то на Раниту, и не могла понять, почему ссорится только что нежно ворковавшая парочка. В глубине души заплясала досада – ну зачем они портят перепалкой такую замечательную ночь?

– Хватит вам цапаться, ребята! – примирительно сказал Ден. – Утомили уже, в самом деле. Элли, не обращай внимания, они всегда так.

– Ну да, ну да! Милые бранятся... – живо подхватила Ранита и снова прижалась к Сержу, взяла его под руку, но тот остался холодновато-сумрачным. – Да ладно тебе! Не дуйся. Видишь, и Элли расстроилась... Ден, ну придумай же что-нибудь, повесели нашу принцессу!

«Да зачем же меня веселить?» – хотела было возразить Элли, но не успела. Ден обернулся к ней и негромко сказал:

– А и правда, ну их, Элли. Хочешь, на лодке покатаемся?

Глава 4

Чем не жених?

– Ну, и о чем вы с Деном говорили? – допытывалась Ранита, прислонившись к шершавому стволу старого дуба – его ветви мерно покачивались от утреннего ветра. Недалеко поблескивали алые, похожие на бутоны роз, башенки графского замка. – Не поцапались, надеюсь, как мы с Сержем?

– Нет, что ты! А почему вы с Сержем ссоритесь?

– Да он давно на меня злится. Не спрашивай, почему – это не важно, – Ранита нетерпеливо махнула рукой. – Так о чем вы с Деном болтали, когда он тебя увел на лодке кататься?

– Обо всем, о жизни. Он рассказал, что у него есть сестра – немного меня младше.

– Ну, да – Лиза. А еще что?

– Что отца нет, умер, поэтому Ден тоже ездил на заработки к Холодным скалам. Видел драконов – опасные, говорит, зверюги. Но вернулся, чтобы матери по хозяйству помогать, и сейчас работает в деревне сразу на двух хозяев.

– Это понятно, что работает, он вообще парень с руками. А еще? Главное-то?

– Что – главное? Я рассказывала, что приехала на каникулы, живу в городе, рисую, танцами занимаюсь. Что мы с тобой однажды заметили единорогов...

– Элли! Какие, к черту, танцы?! Какие единороги?! – Ранита тряхнула темными волосами и спросила прямо: – Да целовались вы с ним или нет, в конце-то концов?

– Ты что, с ума сошла? – в легком предрассветном тумане легко было разглядеть, как вспыхнули Эллины щеки. – Нет, конечно!

– Ты ему не разрешила или сам не полез?

– Конечно, он ко мне не приставал! – воскликнула Элли. – Мы же только что познакомились. Он же нормальный человек. Ты и сама знаешь.

– Да, я сама знаю, что он нормальный. Познакомился с красивой девушкой, покатал на лодке. Почему бы и не поцеловать? Всего лишь поцеловать? Что в этом такого?

– Глупости какие... – пробормотала Элли. – Он серьезный парень.

– Вот именно, что парень! Все парни одинаковые, и все хотят...

– Чего?

– Ой, да ничего! – прыснула Ранита. – Элли, ты вроде взрослая уже, семнадцать скоро, а жизни совсем не знаешь. Родилась в Розетте – и сама как цветочек аленький.

– Ден сказал, что завтра снова придет на поляну, – тихо проговорила Элли, не обидевшись на «цветочек». – Я думаю, может быть, нам тоже...

– Что тут думать – обязательно сходим, – перебила ее Ранита. – Надо гулять, пока погода хорошая, а то как зарядят дожди! Ладно, пошли, нам еще через забор прыгать, да так, чтобы не заметили.

Никто их не заметил. Прячась за кустами, они благополучно добрались до окна Эллиной комнаты. Ранита ловко, словно через гимнастического коня, перемахнула через широкий подоконник, бесшумно ступила на паркет и неодобрительно глянула на Элли.

– И чему вас только в школе на тренировках учат? Давай руку!

– А у вас тоже есть тренировки? – переведя дыхание, поинтересовалась Элли, забравшись в комнату.

Ранита, расхохотавшись, упала на Эллину кровать – прямо на наряды, спрятала лицо в белоснежную подушку:

– У нас, дорогая, каждый день тренировки, движухи хоть отбавляй! – отсмеявшись, заявила она. – И на поле пахота, и в огороде, и в сарае со скотиной, и на ферме. Даже дома

пока все отдраишь да щей наваришь – вот тебе и наклоны, и приседания. А в школе нас только писать и считать учат. Истории еще немножко, географии, законам... И все! Правда, некоторые балбесы, вроде Сержа, сами без конца читают, а лучше б деньги зарабатывали, не мужское это дело – книжки. Но твой Ден – не знаю, вроде не из чтецов. Зато крепкий мужик, такой и без книг не пропадет.

«Да с чего же он мой-то?!» – хотела воскликнуть Элли, но промолчала. А Ранита, поднявшись, деловито заявила:

– Ну, все, леди, хватит болтать. Тебе-то хорошо, ты можешь отоспаться, а мне до завтрака подняться надо – это ж через два часа.

– А как же ты будешь работать, если не спала?

– Ой, да брось. Не первый раз. Ну, давай!

Ранита щелкнула замком и выскользнула в коридор. А Элли, стянув запыхавшиеся бриджи и блузку, вдруг почувствовала, что все эмоции ночи снова к ней вернулись. Она подумала, что надо бы сходить в душ, но уже не было сил. «Утром!» – махнув рукой, она покидала наряды с кровати на кресло, нырнула в постель и, вспоминая осторожное рукопожатие Дена, почувствовала бесконечную радость. «Я сегодня не усну!» – подумала она. И через минуту уже спала сладким сном.

Элли встала поздно, отказалась от завтрака. Выйдя в просторный холл, украшенный пейзажами и напольными вазами, она боялась встретиться глазами с отцом или Генриором – ей думалось, что все уже знают про секретную ночную прогулку.

Но ничего не произошло. Ранита, как ни в чем не бывало, летала по замку с тряпкой в руке и, заметив Элли, лукаво ей подмигнула. Она была такая свежая, легкая и быстрая, будто и не случилось бессонной ночи. Граф вовсе не удивился тому, что дочка решила провести утро в постели. Наоборот, похвалил: «Когда же еще отдохнуть, как не на каникулах?»

Элли сбегала в вольер к Риду и облегченно выдохнула – с ним всё было в порядке, только три его головы то и дело смачно зевали и поглядывали на нее с подозрением.

После обеда граф пригласил Элли в библиотеку, устроился за массивным столом, достав из выдвижного ящика пухлый красный блокнот с потрепанными желтоватыми страницами. Обмакнув белое перо в тяжелую бронзовую чернильницу в форме цветка розы (граф предпочитал жить по старинке и не признавал не только шариковых, но даже и перьевых ручек), он вывел каллиграфическим почерком: «Список гостей».

– Ты это к чему, папа? – удивилась Элли.

– Как же? Мы же решили устроить летний бал в честь твоего дня рождения! – граф поднял изумленные глаза на дочь и едва не посадил кляксу. – Разве ты забыла?

– Ах, да... Бал... – сникла Элли. Еще вчера почин отца затеять роскошный вечер казался ей занимательным – почему бы не пообщаться с ровесниками из Лесного? А сейчас мысль о мазурках, кринолинах, оркестре и многолюдной суете казалась невыносимо скучной. Но отец был так воодушевлен, что Элли присела на кожаный диван и скрепя сердце произнесла:

– А что? Бал – это хорошо! – и понадеялась, что это прозвучало не слишком фальшиво.

– Конечно, хорошо! – обрадовался насторожившийся было граф – он не заметил, что голос дочери дрогнул. – Семнадцать лет не каждый день исполняется. Ну, принцесса, так кого мы пригласим?

Не дожидаясь ответа, он принялся вписывать в блокнот фамилии, перечисляя их вслух: «Вернелли... Арден...»

Элли молча кивала.

– И вот кого надо обязательно позвать! – воскликнул граф будто бы невзначай, а Элли вздохнула. – Герцога Готца с сыном! Кстати, младший Готц, Крис, чудесный юноша. Такой обходительный, умный. Он уже окончил университет и готовится возглавить одно из отцовских

предприятий. Небольшой завод. Говорят, Крис очень перспективный руководитель! Представляешь, он ухитрился привлечь к работе троллей, причем очень и очень выгодно. Троллей, дочка! А ведь все знают, какие они своенравные.

– Папа, ну что ты его расхваливаешь? – не выдержала Элли. – Я хорошо знаю Готца. Мы танцевали зимой на балу у Вернелли.

– И как он тебе?

– Неплохой.

– И все?

– А что еще? Не замуж же мне за него идти!

Граф рассмеялся и, поднявшись из-за стола, присел на диван рядом с дочерью. Он обнял Элли, ласково погладил по длинным светлым волосам.

– А почему бы и не замуж, родная? Тебе будет семнадцать – для свадьбы, может, и рано, а вот о женихе пора бы подумать. Крис – молодой миллионер, герцог. Дальний родственник короля! Хорош собой. Идеальная партия.

– Ну что ты говоришь, папа! – возмутилась Элли. – Не собираюсь я замуж!

– Ну, всё, всё, молчу! Спешить некуда. Отложим этот разговор. Пока отложим. Так как насчет Готца? Пригласим?

– Пригласи, если хочешь.

– Вот и прекрасно. Конечно, бал – дело хлопотное, но справимся. Сегодня отправлю Генриора на недельку в Тисс. Пусть закупит там всё, что нужно, заодно и посмотрит, как обстоят дела на моих предприятиях.

– Папа, а может быть, он возьмет с собой Рика? – вдруг предложила Элли.

– Зачем? – удивился граф.

– Рик старый, ты же сам говорил, что его пора показать ветеринару, проверить его здоровье.

– Хм. Это хорошая мысль. Пусть Генриор покажет Рика звериному врачу.

«А нам не придется давать ему сон-травы!» – подумала Элли, и сердце ее заколотилось, когда она вспомнила серые лучистые глаза Дена.

Летние дни летели, как мотыльки, – никогда еще Элли не была так счастлива. Днем она рисовала акварелью в большом альбоме или слушала радио, иногда играла в теннис с Ранитой – пока Генриор был в отъезде, та не утруждала себя хлопотами. Правда, Ранита почти всегда побеждала – она была ловкой, и уступить никому не собиралась.

Элли часто думала, что Ранита по нелепой ошибке родилась в селе, а не в одном из дворянских поместий. Высокая белокожая красавица с роскошными черными волосами, тонкая и гибкая, как струна, резкая и прямолинейная – она и не думала играть роль покорной тихонислужанки – конечно, когда рядом не было Генриора. Дело Ранита знала и могла бы стать незаменимой горничной – она всё умела! Да только не желала вкладывать силы в чужое хозяйство.

Элли казалось, что она хорошо понимает подругу.

Но, может быть, это ей только казалось.

Глава 5

Что его тревожит?

Когда начинали оглушительно звенеть цикады и шуршать от легкого ветра листья яблонь и кленов, подружки ныряли в теплую синеву летней ночи. Встречи начинались одинаково: беспечные разговоры, песни Сержа, от которых странно щемило сердце, шуточки и колкости Раниты. . . Серж был с Элли вежлив, но отстранен, говорил по-доброму, но холодновато, словно показывая, что они приятели, а не близкие друзья.

Но Элли этого не замечала. Ее интересовал только Ден.

Ранита с Сержем уже не сидели подолгу у костра – ставили за зарослями боярышника парусиновую палатку и мирно спали в обнимку до рассвета.

Ден и Элли оставались наедине. Ради этих минут Элли и совершала маленькие подвиги: карабкалась по деревьям, продиралась через кусты, сбивала ноги. Когда Ден – большой, сильный, сдержанный – ворошил угли в костре; когда огонь разбрасывал пушистые искры; когда в небе сияли огромные, как городские фонари, звезды, Элли будоражили несочетаемые чувства: небывалый, великий, как весь мир, покой – и приятное пульсирующее волнение.

Лес, ночь, взрослый молодой человек – всё это было странно, запретно, недозволенно. Но первая азартная острота быстро исчезла. Осталось растущее, как быстрый и смелый росток, притяжение.

Элли нравилось, когда Ден укутывал ее, как маленькую, огромной голубой курткой, и брал потертую рыжую гитару. Он не умел петь – но играл только для нее, а она, затаив дыхание, слушала знакомые с детства мелодии и новые прекрасные мотивы. Элли радовалась незамысловатым сюрпризам: Ден приносил ей то ароматную чернику в берестяной чаше, то очищенные лесные орехи, то красные глянцевые яблоки, пахнущие конфетами и наступающей осенью.

Но Элли не догадывалась, что ночные встречи, которые для нее стали громадной, как океан, радостью, для Дена превратились в повод для постоянной болезненной тревоги. И дело было даже не в том, что такие встречи запретны, – он говорил себе, что не делает ничего противозаконного. Его грызли, словно шакалы, совсем другие мысли.

Если бы Элли только знала, что каждый раз он говорил себе: «Я больше никуда не пойду!» – и всегда нарушал слово, вспомнив об Эллиных глазах: невинных, честных, прозрачных и голубых, как утреннее озеро.

Дена влекло к Элли, как шмеля к тюльпану. Даже себе он не желал признаваться, что в его сердце поселилась глубокая и светлая нежность. Ему хотелось защитить Элли от всего мира – но приходилось защищать от себя, потому что бороться с острым желанием обнять ее покрепче, сладко и горячо поцеловать, вобрать травяной запах длинных и мягких светлых волос становилось с каждым разом всё труднее.

Домой он возвращался молчаливый, смурной, и Серж это, конечно, видел.

– Ты что? – однажды поинтересовался Серж. – Наскучила принцесса? Как по мне, так давно пора ее отшить. Да и вообще не стоило ее приваживать! Не понимаю, зачем ты тянешь. Так и скажи ей: «Всё, мол, хватит, птичка, извини – нагулялись».

– Прекрати! – оборвал Ден. – Она тебе не птичка.

– Да ладно, я же хочу, как лучше. Если честно, Элли мне самому нравится.

– В смысле? – насупился Ден и остановился. – Как это – тебе нравится?

Серж махнул рукой:

– Да ну тебя! Как человек нравится. Хорошая девчонка. Принцесса – а такая скромная. Вон у моей Нитки какой характер – будто она даже не принцесса, а королева! Но ведь сам понимаешь, нельзя тебе. . . Никак нельзя! Узнают, что спутался, – арестуют.

– Я с ней не путаюсь. Не думаю даже. Она маленькая еще.

Дни Элли мчались, словно счастливый сон. В пылкой полудетской любви она старалась не размышлять о будущем, и только иголки вины перед отцом (все-таки она обманывает его!) покалывали совесть.

Только Дену с каждым днем приходилось всё труднее. Он здраво смотрел на вещи: неумолимо приближался сентябрь, когда Элли уедет к матери в город. А там – старые друзья, новые романы. Она повзрослеет и забудет деревенщину Дена – а может, станет вспоминать как маленькое летнее приключение. При этой мысли начинало болезненно ныть в груди.

Днем он работал – много и трудно. Но наступала новая ночь – и Ден, злясь на себя, снова шагал к Элли. Спал по три часа, литрами пил кофе, чтобы сохранить более-менее ясный ум. Он даже, уговорив мрачноватого начальника, временно оставил грузовик, перейдя из шоферов в каменщики. Потерял в зарплате – зато перестал тревожиться, что, задремав, собьет кого-нибудь на дороге. Элли про это не говорил – только объяснил мельком, что решил потрудиться на стройке, так удобнее – можно выспаться перед сменой.

К озеру Ден приходил свежим, спокойным, и Элли ни о чем не волновалась. А Серж, который уже давно с Ранитой не просто за ручку ходил, не мог взять в толк, зачем нужны его приятелю эти странные, опасные и совершенно пустые, на его взгляд, отношения.

До встречи с Элли в жизни Дена всё было просто: крутил баранку, вечером до изнурения работал по хозяйству – колот дрова, таскал воду, копал огород или прибирал в коровнике (а куда деваться, надо помогать матери и сестре, ведь он единственный мужчина в семье). На гулянки, как говорили в деревне, Ден ходил редко: танцевать не умел, вина не пил – насмотрелся в детстве на отца-буяна, но девчонки сами к нему так и липли. Была в нем, немногословном и сдержанном, крепкая мужская сила, которая притягивала девушек, как магнит.

Но деревенские красавицы Дена не волновали.

Он переживал оттого, что в Ключах у него была невеста.

Дена и Долли сосватали много лет назад – сразу, как те пошли в школу, – так в деревне поступали самые патриархальные родители. Правда, парни, которым в детстве подыскивали невесту, до самой свадьбы считались полноправными холостяками – их свободу никто не ограничивал, а матери даже журили расстроенных дочек: «Не мудри! Нагуляется – и к тебе придет, будет верным мужем!» А вот девочкам-невестам запрещали глядеть на сторону. Правда, многие все равно ухитрялись флиртовать, хотя их будущие мужья редко смотрели на это сквозь пальцы.

Но Долли, невеста Дена, была не из тех разбитных веселушек – она и помыслить не могла, чтобы строить кому-то глазки. Она с восьми лет знала, что выйдет за Дена, – с того самого момента, когда отец вложил в его руку ее маленькую дрожащую ладошку. Долли гордилась, что у нее есть жених, – да еще такой замечательный парень, хоть и никому об этом не говорила. Но девушки и так понимали, откровенно завидовали: «И почему это Ден достался такой серой мышке?»

Долли, и вправду, нельзя было назвать красавицей – невысокая, пухленькая, большегрудая девушка с телячьими серыми глазами. Пепельные волосы она гладко зачесывала и собирала в пучок. Ее круглое лицо было миловидным, но простеньким; оно стало бы выразительнее, если б Долли подкрашивала тушью белесые ресницы и подводила карандашом брови, но она не пользовалась косметикой. Одевалась она просто, в немодный ситец, и на фоне нарядных и разукрашенных сельских красоток (взять хоть эффектную Раниту) выглядела блекло и неприметно.

Но Долли это не волновало – она все равно не ходила на танцы, куда девушки стремились надеть лучшие платья. У нее хватало других хлопот. Мать Долли скончалась, едва родилась вторая дочь, после этого отец стал прикладываться к бутылке. На Долли держалось хозяйство, а сестренка была еще плохой помощницей и сама требовала заботы. Долли трудилась,

как пчелка: дом блестел, на плите красовались полные кастрюли и сковородки, в огороде не было ни одной случайной травинки, а на веревках во дворе колыхалось тщательно выстиранное и прокипяченное белье. Но Долли не только хлопотала по дому – она успевала заведовать сельским садом и знала, как приглубить фруктовые деревья, чтобы они стали самыми урожайными в округе.

Словом, невеста Дену досталась хорошая, добрая и хозяйственная, и другой жены он не желал. Только со свадьбой не торопился.

Обычно сосватанная в детстве парочка с событиями не тянула: лет в шестнадцать невеста выясняла, что беременна, и родители живо готовили свадебное застолье. Или в этом же возрасте нареченные с шумом-гамом разбегались – но это был грандиозный скандал, который долго смаковала вся деревня.

А Дену и Долли уже исполнилось по двадцать три, но у них по-прежнему были отношения брата и сестры. Он заглядывал к ней почти каждый день: помогал по хозяйству, давал деньги на продукты и одежду, катал ее сестренку в кабине грузовика... А потом исчезал, мимоходом поцеловав в щеку. Ден не задумывался, любит ли он Долли. Знал, что она будет хорошей женой, сумеет вкусно накормить, создать уют и, вероятно, родить здоровых детей – и это его устраивало. Но жениться не спешил, отговариваясь, что не готов стать отцом семейства. Его мать сердилась и настаивала на скором венчании, да и отец Долли смотрел с сумрачным ожиданием.

Наконец, Ден решил, что сыграет свадьбу по осени, – дольше тянуть было уже неприлично. Но летом появилась маленькая Элли – такая красивая, такая трогательная, такая наивная и лучистая, что в душе Дена что-то перевернулось. Он понял, как можно любить девочку, – так, что сердце разламывается. Такого с ним никогда не случалось, да и в любовь он вовсе не верил.

Ден по-прежнему заживал к Долли, помогал ей, но уже не целовал в щеку на прощание, а говорил короткое «пока» и старался не замечать, что в больших глазах невесты поселилась тревога. Всё чаще Ден с раздражением думал: «Черт побери, ну почему Элли – дочь графа, почему богатая, почему живет в замке?! Будь она нашей девочкой, я бы ее не упустил!»

Вскоре он понял, что Элли, хоть и младше, но значительно образованней – ему не чета. Он мечтал поступить в технический институт (музыка – это для души!), но с отчаянием осознавал, что ему, сельчанину, дорога к достойному образованию закрыта – такой в королевстве закон. Бесполезно колотить в железную дверь, когда на ней висит тяжелый запылившийся замок. Если тебя, деревенщину, потянуло к знаниям – иди и учись на счетовода, вот и вся карьера.

Впервые в жизни Ден почувствовал себя виноватым перед Долли, хотя раньше, поцеловав на сельском празднике какую-нибудь разбитную деревенскую красотку из тех, что сами вешаются на шею, не придавал этому значения. А здесь даже поцелуев не было. Зато имелось наваждение, избавиться от которого он не мог, – так бешено его тянуло к хрупкой и трогательной принцессе.

Иной раз, думая о простой, но такой привычной и доброй Долли, он убеждал себя: вот она – его судьба! Он женится на ней, будет мужем, отцом, хозяином в доме... И понимал: нет.

Нет!

«Но ведь Долли славная! – мысленно кричал он. – Вкусно готовит, отлично шьет, работающая, симпатичная. А Элли?!» «А Элли я просто люблю», – отчетливо понимал Ден, и опять наваливалась жестокая тревога, крепко слитая со счастьем.

Однажды, возвращаясь с озера, Ден сказал сонному, сердитому, позевывавшему Сержу: – У меня к тебе дело. Очень важное.

Глава 6

Осенний букет

– Какое еще дело? – поморщился Серж. О делах, да еще важных, в такую рань говорить не хотелось.

– Передай этот конверт Долли. Сегодня. Пожалуйста.

– Долли? – от изумления Серж совсем проснулся, похлопал густыми темными ресницами. – А сам-то что? Зайди да отдай, какие проблемы?

– Я не буду пока к ней ходить.

– Не понял. А почему? – Серж бесцеремонно глянул в незапечатанный конверт и присвистнул. – О, неплохая сумма! Ты что, хочешь сделать ей сюрприз? Или это на свадьбу?

– Да какой там сюрприз... Какая свадьба...

– Подожди-ка! – Серж, наконец, начал что-то понимать. – А когда ты был у Долли в последний раз?

– С неделю назад.

– А ведь раньше ты ходил к ней почти каждый день. Ден, это из-за Элли, что ли? Да ведь у вас с ней ничего нет! И не может быть! Мне кажется, друг, ты сошел с ума.

– Мне тоже так кажется, – невесело усмехнулся Ден.

– Ден, принцесса – на неделю, жена – навсегда.

– Не учил бы ты меня жить – незачем, – устало махнул рукой Ден.

– Да не учу я! – воскликнул Серж. – Просто мне жалко Долли. Ты всё никак не женишься, вся деревня на нее косо смотрит, посмеивается, а теперь еще и это.

– Понимаешь, не хочу я на ней жениться, – сказал Ден и сам испугался своих слов – ведь эту крамольную мысль он высказал впервые. И, чтобы не отступать, повторил: – Да, я понял, что не хочу жить с Долли, не хочу от нее детей. Она мне давно – будто сестра. Разве можно жениться на сестре?

– Ну, ты даешь... – протянул Серж. – Зря. Она правильной женой стала бы.

– Нравится – сам в жены бери, – угрюмо отозвался Ден. – Она очень хорошая девчонка. Только не для меня.

– С ума сошел? У меня Нита.

– А у Ниты кто? – хмуро поинтересовался Ден, и Серж помрачнел, надолго замолчал, сразу поняв, на что намекает друг.

– Ты извини меня... – неловко проговорил Ден, поняв, что перегнул палку. – Не хотел тебя задеть, правда. Нашло что-то.

– Ладно, – наконец заговорил Серж. – Я знаю, что Нита меня не любит. Знаю, по кому сохнет. Знаю, что я у нее запасной. Но я и на это согласен. Спим вместе – и ладно. Залетит – поженимся. А там – притерпится ко мне, привыкнет. Детей родит. Наверное.

– И тебе нравится такая жизнь?

– Нравится! – вскинулся Серж. – Она сейчас со мной, понимаешь? Не с тем, а со мной! А что будет дальше – никто не знает. А у тебя другое дело! Элли, конечно, милая такая... Она как котенок – все котятки милые! Но ведь она вырастет. Если в деревне узнают про принцессу, будет скандал. А если в замке – тюрьма. А то и похуже, даже говорить не хочу.

– Тюрьмы не будет, а на скандал плевать, – сказал Ден, покривив душой: все-таки не хотелось бы ни шума, ни сплетен. – Элли тут ни при чем. Она уедет скоро. Но с Долли я тоже не останусь.

– Тогда зачем ты суешь мне эти деньги? Иди и скажи ей сам, что не любишь, что надоела! Точно знаю: не пойдешь и не скажешь!

– Пойду и скажу. Обязательно, только не такими словами. Но потом. Пока не время.
– Да ты просто... – начал было Серж и отвернулся. Они с детства дружили, и каждый чувствовал ту грань, которую не стоит переходить.

Ден помолчал. Потом сказал тихо:

– Я ведь знаю, что веду себя с Долли, как свинья. Но, понимаешь, ей деньги очень нужны. За саженцы расплатиться, сестренку в школу собрать. Уверен, что она на них рассчитывает. Если я дам денег и скажу, что больше не приду, она мне их обратно вернет. Получится, что я от нее откупаюсь. А если ты передашь – возьмет.

– Да ты и так откупаешься, – устало сказал Серж.

– Нет! Помогаю, как брат сестре. И дальше готов помогать. Но не жениться.

– Слушай, а ты не боишься, что Нита в деревне разболтает про принцессу? Я за нее не ручаюсь. Народ скажет, что ты за графским золотом гоняешься. А там и до беды близко.

– Ничего не случится. Пусть треплются. Ну что, передашь Долли деньги?

– Да передам, передам...

* * *

– Что это ты рисуешь? – поинтересовалась Ранита, сверху заглядывая в Эллин альбом. Она стояла на сверкающей металлической лесенке и, что было сил, терла мокрой тряпкой большую бронзовую люстру с витыми подсвечниками.

– Это осенний букет, – задумчиво ответила Элли, окунув кисточку в банку с гуашью. – Рябина, боярышник и кленовые листья... Скоро осень, это так грустно!

Элли неплохо рисовала, педагоги ее хвалили. Она мечтала выучиться на декоратора, чтобы оформлять современные выставки и сцены в театрах.

– Не переживай, еще успеешь погулять со своим Деном! – усмехнулась Ранита, ловко дотягиваясь до дальнего канделябра. – Ну что, хорошего парня я тебе подогнала?

– Очень хорошего.

– И что, вы так ни разу и не поцеловались? Знаешь, подруга, это просто глупо! Так и уедешь в свой город?

– Разве это главное? Мне с ним и так хорошо.

– А вот он, небось, хочет тебя, аж дым из ушей, да не лезет к графской дочке, – презрительно хмыкнула Ранита. – Я-то думала, он посмелее будет. А он, оказывается, трус.

– Он не трус! Он порядочный и очень добрый, – тихо сказала Элли.

– Ну-ну... Слушай, Элли, а ты все равно не права!

– В чем?

– Да как – в чем? Ты в эти дни, кроме своего Дена, ни о чем не думаешь! А мы ради тебя замок вверх дном переворачиваем! Ну, скажи, справедливо это?

– Что-то я тебя не пойму.

– А что непонятного? В субботу же бал! Генриор приехал из города и всех строит: там приберитесь, тут сгношите, здесь помойте, в саду прополите... Чтоб ни пылинки, ни травинки... Мы пашем с утра до ночи, чтобы графская доченька от души поплясала! А принцессе все по фигу, она про бал и не помнит.

– Я как-то не подумала... – покраснела Элли, но тут же оживилась: – А я ведь тебе, Нита, предлагала помощь! И что ты мне сказала?

– Сказала, что есть. Что лучшая помощь – чтоб сидела и не мешалась. А то ты умеешь мыть, например, окна! Знаю я вас, белоручек. Все было бы в разводах, а то еще и разбила бы да порезалась. Или вот хоть люстра... Сверзилась бы с высоты, отвечай потом за тебя. Да и от Генриора мне бы влетело.

– Если ты ничего не позволяешь, что мне остается?

– Тебе? Да я б на твоём месте юлой вертелась! Платье подобрать надо? Надо! С маникюршей договориться надо? Конечно! Меню просмотреть надо? Да! А музыку подобрать? Вот сколько забот! А ещё гостей обзвонить, напомнить о приглашении... Как это – всё для тебя, а тебе ничего не нужно?

– А я и не напрашивалась, это папа придумал, – нахмурившись, проговорила Элли.

– И хорошо, что придумал! Это же бал! Как в сказке! – восторженно всплеснула руками Ранита и мечтательно заулыбалась. – Эх, была бы я графской дочкой! Я бы такое платье надела! Такие танцы отплясывала! Все короли, все принцы были бы мои. Я бы и менуэт танцевала, и полонез. А как бы я кружилась в вальсе!

Ранита бросила тряпку и завертелась на шаткой металлической лесенке.

– «Можно вас пригласить, сударыня?» «Ах, право...» «Вы любите вальс?» «О да!» «Так пойдёмте, такая чудесная музыка!..» Раз-два-три, раз-два-три... Поворот! Раз-два-три... «Вы чудесно танцуете! Вы учились этому за границей?» «Нет, у меня прелестный педагог!» «Сударыня, вы обворожительны, головокружительны, восхитительны, ваши глаза сводят меня с ума!..» «О, вы меня смущаете!» Раз-два-три. Раз-два... Ой!

Ранита поскользнулась на мокрой ступеньке, пыталась схватиться за полку, но все-таки полетела вниз. Раздался страшный грохот. Элли кинулась к подружке.

– Боже, Нита, ты не ушиблась? Ногу не сломала?

– Ничего, удачное приземление... Дотанцевалась! – Ранита потеряла ушибленное бедро и принялась хохотать, а вместе с ней залилась смехом и Элли.

– Что здесь происходит? – в кабинет заглянул высокий мрачноватый Генриор, и Элли почувствовала себя провинившейся школьницей. Хотя она-то была молодой хозяйкой замка, а Генриор – всего лишь управляющим. Дворецким.

– Ничего, сударь! – Ранита мгновенно вскочила с пола и одернула юбку. – Маленький м-м-м... несчастный случай.

– Надеюсь, не настолько несчастный, чтобы ты не могла работать дальше?

– Нет, не настолько.

– Тогда побыстрее заканчивай с кабинетом. Ты очень долго возишься, Ранита. Уже полдень, а ты даже не принималась протирать пыль в книжных шкафах. Будь расторопнее, – прочитав суховатую отповедь, Генриор вежливо кивнул Элли. – Графиня, если вы не заняты и у вас есть такое желание, можете помочь белошвейке Дине, которая только что приехала из Тисса. Она будет шить для каждого гостя салфетки с вензелями.

– Но я не умею шить... – покраснев, призналась Элли.

– А вам и не надо. Дина задумалась, какой рисунок выбрать для салфеток и какой формы будут вензеля. Просит вас нарисовать. И ещё она хотела бы уточнить список гостей.

– Ой, в этом я помогу с удовольствием!

– Прекрасно. Она ждёт вас в малом зеленом зале.

Когда Генриор вышел, Ранита показала ему вслед язык и проворчала:

– Ух, Элли, какая же ты все-таки мямля! Будь я на твоём месте, я бы ему показала, кто в доме главный! Смотри-ка, раскомандовался! «Иди к белошвейке...» Да я бы такую швейку ему выдала! Так по шее бы надавала! Мало не показалось бы! Прописала бы ему... вензеля!

– Да зачем же спорить? Он всё по делу говорит.

– Ну, смотри сама. «По делу...» Деловой нашелся! Кстати, твои сестра с братом на бал-то приедут?

– Милена – да! – расцвела Элли. – Она звонила и сказала, что приедет не на поезде, а на своей машине. Пусть далеко, но водит она прекрасно. Ты не представляешь, как я рада! Ужасно соскучилась. Жаль, что ее жених не сможет приехать. Ты знаешь, она собралась замуж, и на этот раз, я уверена, все будет хорошо. Жених старше нее, не дворянин, но прекрасный

человек, врач, хирург. Милена говорит, что он принимает пациентов даже в выходные, постоянно занят и...

– Подожди, что ты трещишь, как сорока! А граф Андреас? – перебила ее Ранита и, если бы Элли была внимательнее, заметила бы странные искры в ее глазах. – Граф Андреас будет на балу?

– Андреас? – озадаченно переспросила Элли. – Не знаю. Папа звал его, но тот сказал что-то невнятное – ни да, ни нет.

– А может быть, он, как госпожа Милена, тоже нашел себе кого-нибудь? – очень равнодушно поинтересовалась Ранита. Она уже вновь поднялась на лесенку и с непривычным рвением принялась натирать канделябры. – Может, у него в столице есть девушка?

– Понятия не имею, – Элли пожала плечами. – Ладно, пойду помогать белошвейке. И зачем папа пригласил такую толпу? Знаешь, я немного волнуюсь. Всё-таки папа прав: синие мотыльки – к переменам. Мы уже встретились с Деном, но чувствую, скоро произойдет что-то еще.

Глава 7

Белый единорог

В ночь на субботу Элли и Ден сидели, обнявшись, на берегу Хрустального озера, смотрели на темную воду, в которой покачивалась похожая на апельсин луна. Неподалеку играл сухими ветками костер, и звезды сияли так ярко, что их лучи проникали в Эллино сердце.

– А у нас завтра бал, – сказала Элли, вспомнив вдруг о вишнёвом платье – новом, открытом, роскошном, которое уже висело на деревянных плечиках, прикрепленных к дверце ее шкафа. – Как бы мне хотелось не ходить на этот бал, а провести с тобой не ночь, а целый день!

«Провести ночь...» – эхом отозвалось в Дене, и он, вздохнув, крепче обнял Элли.

– Настоящий бал? – поинтересовался он. – Как в сказке про Золушку?

– Да, настоящий – с музыкантами, угощением, кучей гостей. Такая канитель! Но папа считает, что надо соблюдать традиции.

– А кто будет принцем маленькой Золушки? – с улыбкой спросил Ден, стараясь скрыть подступившую к горлу ревность.

– У меня нет никакого принца... – «кроме тебя» – едва не добавила Элли, но промолчала.

– У такой красивой – и нет? И никто еще не попросил твоей руки?

– Нет, Ден. ...Ты так странно смотришь на меня, будто хочешь что-то сказать.

Поскрипывал догорающий хворост, зябко дрожала вода в озере, трещали в темноте цикады. Где-то вдалеке горько вскрикнула ночная птица, разрезав синюю тишину. И снова – радостный прохладный покой.

Ден помолчал, потом высвободил Эллину ладонку из широкого рукава куртки, спрятал ее в своем кулаке и сказал очень серьезно:

– Что же мне сказать? Только одно. Я люблю тебя, моя маленькая Элли.

Элли хотела что-то произнести, но все слова рассыпались, словно бусинки. Она посмотрела в серьезные глаза Дена – они казались темными, но в них плясал искристый оранжевый огонь. Тени легли на лицо – непривычно строгое, без обычной мягкой полуулыбки.

– Не отвечай, Элли. Ты такая милая, такая родная. Но я ничего от тебя не жду – не имею права. Просто хочу, чтобы ты была счастлива. Ведь ты лучшая девочка на свете. Только знаешь... сегодня нам нужно проститься.

– Сегодня? – блестящий камушек безграничного счастья обрушился в пучину черного страха. – Зачем? Я уезжаю в понедельник. У нас еще есть время!

– Я больше не могу так. Не надо.

– Что – не надо? – чувствуя, как закипают слезы, прошептала Элли. – Мне так хорошо с тобой!

– И мне хорошо, – вздохнул Ден, крепче сжимая Эллину руку. – Поэтому пора остановиться. У тебя дворец, бал, гости, а потом город и учеба. У меня грузовик, дом в деревне и поле с картошкой. Ради тебя я готов свернуть горы, построить особняк, выучиться на инженера, зарабатывать. Но по закону мне нельзя учиться и нельзя быть с тобой, маленькой принцессой. Не нужно мне лезть в твою судьбу. Я и так уже наломал дров. Заигрался.

– Ден, разве для тебя это только игра? – всхлипнула Элли. – Ты же сам сказал, что... И ведь я тоже!

– Тоже любишь? – мягко улыбнулся Ден и, притянув к себе Элли, поцеловал ее в макушку. – У тебя вся жизнь впереди. Сегодня на балу ты встретишь своего принца – и снова влюбишься. И, наверное, так и надо.

– Нет! Мне нужен только ты.

– Зачем? Я взрослый мужчина. Я сделал ошибку. Мне в первую же ночь надо было уйти, а не брэнчать на гитаре, как пацан, не сбивать тебя с толку, – удрученно проговорил Ден. «И вообще я ужасно, невыносимо виноват перед всеми...» – подумал он, вспомнив печальный взгляд Долли.

– Но ведь я тебя очень люблю... – выговорила Элли, и, раскрасневшись, прижалась мокрой щекой к груди Дена.

– Что ты, ну не плачь, солнышко, – вздохнул Ден и, не сдержавшись, поцеловал девушку в прохладную щеку, на которой блестела слезинка. Потом в другую. А потом... Он целовал Элли в лоб и волосы, крепко и сладко целовал по-детски припухшие губы. А она таяла, взмывала в небо и летала, летала где-то под круглой луной и желтыми звездами. И ни о чем ей не думалось, ни о чем не тревожилось – просто бесконечная, как ночь, любовь волнами билась в сердце.

Он резко оторвался от ее губ, тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Крепко-крепко, как-то по-медвежьи обнял – и отодвинулся. Молча пошел к озеру, долго плескал в лицо холодной темной водой.

– С ума ты меня сводишь... – хрипло прошептал он, вернувшись, и опустился на влажную росистую траву. – Голова кружится, точно вина напился. Но нельзя нам дальше. Нет. Я мужчина, а ты подросток.

«Мне завтра семнадцать! Я взрослая!» – хотела воскликнуть Элли, но промолчала, спрятав в ладони полыхающие щеки, на которых еще не остыли горячие поцелуи. Какой он нежный, какой родной!.. Но все-таки хорошо, что Ден не настаивает на том, к чему она пока не готова. При мысли, что могло случиться «продолжение», Элли стало зябко. Но, глянув в глаза Дена, счастливые и измученные, она вновь, забыв про всё, сказала себе: «Я его люблю!»

– Смотри! – вдруг воскликнула Элли, и Ден, вздрогнув, обернулся. Перед ними возник единорог – белый, искристый, волшебный. Единорог смотрел огромными глазами, глубокими и темными, как гладь Хрустального озера, слегка покачивался и постукивал золотым блестящим копытом. В волнистой гриве сияли искры, похожие на снежинки. В ярком лунном свете единорог казался таинственным посланником, спустившимся на поляну по серебристой дорожке Млечного пути.

Элли осторожно протянула руку, и единорог не умчался, даже не отстранился – позволил прикоснуться к нежной, как лепестки роз, спинке. Ден тоже поднялся, аккуратно дотронулся до крепкого рога, сверкающего в ночном сумраке, словно первая звезда.

– Какой смелый красавец! – ласково улыбнулся Ден.

– А ты знаешь такую примету? – прошептала непослушными губами Элли. – Если единорог пришел в влюбленным, то они... обязательно... – Элли не договорила, только склонила голову к плечу Дена.

– Поженятся? – завершил он и поцеловал ее светлые волосы.

Единорог стукнул копытом – разлетелись фонтанчики-искорки, слегка коснулся головой Элли, потом Дена – и умчался, растворился в ночном лесу.

– Какое же чудо! – прошептала Элли, и Ден обнял ее за плечи. Помедлив, он пошарил в необъятном кармане куртки, что-то достал, сжал в кулаке. Произнес неловко:

– Я ведь слышал, что у тебя завтра день рождения. Точнее, уже сегодня. Так что вот. Маленький подарок.

Он разжал пальцы, и на его ладони блеснула серебряная цепочка с подвеской – медово-золотистым камушком.

– Ой! Спасибо тебе, – прошептала Элли. – Это янтарь?

– Да, всего лишь... – смущенно улыбнулся Ден. Он не стал говорить, что хотел купить цепочку с гранатом (на рубин денег точно не хватило бы – ведь половину заработка отдал Долли), но разве найдешь такую красоту в ближайших лавках?

– Что ты, это не «всего лишь», это волшебство... – Элли оглянулась на Дена, и в ее светлых глазах засеребрились счастливые огоньки. – Я мечтала, чтобы у меня осталось что-то на память об этом августе. А янтарь похож на наш костер.

– Хочешь примерить? Давай помогу тебе застегнуть.

– Хорошо, – Элли с готовностью собрала волосы к макушке, и у Дена задрожали руки. Он аккуратно взялся за цепочку, осторожно щелкнул застежкой – и не удержался, провел пальцем по тоненькой шее, по маленькому уху с сережкой-капелькой, прикоснулся к нему губами – и отпрянул. Но снова прильнул – уже к губам, наслаждаясь их прохладной головокружительной свежестью.

Они были настолько упоены сладкими, как лесная ежевика, поцелуями, что не заметили, как из палатки выбралась сонная, взъерошенная, как ворона, Ранита. Она стояла рядом, куталась в черную объемную куртку Сержа, потирала ноги, покусанные комарами, и смотрела на Дена и Элли со снисходительной усмешкой.

– И все-таки любовь!

– А тебе что? – нахмурился Ден, нехотя отрываясь от Эллиных губ.

– А то, что любовь у вас – как в школе в третьем классе. Ну ладно, играйте дальше, детки, а я пойду Сержа растолкаю. Глядишь, тоже поиграем... по-взрослому. Ты, принцесса, особо не расслабляйся, через час в замок пойдем, завтра тебе еще петь да плясать надо будет. А мне грязные тарелки таскать, – с досадой завершила она.

* * *

– Ты просто будь счастлива, – прошептал Ден, когда на востоке уже заалело небо. – Пусть у тебя всё будет, как ты захочешь.

– Я хочу, чтобы мы всегда были вместе... – проговорила Элли. – Не нужен мне бал! Никто не нужен. Только ты! Ден, ты приедешь ко мне в город? Ты найдешь меня?

– Найду на краю света, но не хочу ломать твою жизнь.

– Что ты! Ты не сломаешь. Только будь осторожен, чтобы тебе не приписали что-нибудь плохое!

– Послушай, Элли, – Ден на что-то решился, лицо его побледнело. Он крепко взял ее за руку. – Ты сейчас ни о чем не тревожься. Танцуй на балу, поезжай в город, учись. Только не давай мне никаких обещаний. Если у тебя появится жених – пусть, я всё пойму. Но если пройдет год, а ты по-прежнему захочешь встретиться со мной, ты знаешь, как меня найти. И если так случится...

– Тогда – что? – сердце Элли затрепетало.

– Тогда мы что-нибудь придумаем и поженимся. По нашим законам мы не можем быть вместе, но ведь мир-то большой. Может быть, придется уехать в другое королевство.

– Да! Уедем!

– Только не сейчас. Подождем год. Ты повзрослеешь. И если захочешь, мы тайно отправимся за море. Знаешь, в детстве у меня был друг, он часто говорил о морях-океанах. Мне кажется, он всё о них знал, мечтал стать капитаном. Жаль, что сейчас его нет, не у кого спросить про моря.

– А что случилось с другом? – прошептала Элли. – Умер?

– Не знаю, он давно уехал и пропал. Надеюсь, его мечта сбылась, и он все-таки служит на корабле. ...Элли, милая, не грусти. Жизнь сама подскажет, что нам делать.

Появился Серж, не выспавшийся и хмурый, глянул на них исподлобья, неодобрительно покачал головой.

– Собираемся, – коротко сказал он. – Пора уже.

Глава 8

Посмотрите на них!

Гости начали съезжаться в Розетту ближе к пяти вечера. Дамы и господа прибывали на белых лимузинах или парадных черных автомобилях. Брат Элли, граф Андреас, прикатил на новеньком спортивном авто модного салатного цвета. Напыщенные, как всегда, сестры Вернелли прибыли в золоченой карете, запряженной шестеркой вороных лошадей («Ах, нам безразлична мода, мы почитаем старинные традиции!»). Они любили вычурность, шоу и эпатаж. А распорядитель праздника, лопоухий и смешливый господин Тишот, прилетел на маленьком домашнем драконе, которого предусмотрительно пристроил на дальнем поле для гольфа, – чтобы тот ненароком не устроил пожар.

Увидев дракона, Рик залился горячим лаем, принялся трясти тремя головами, пытаясь напугать огнедышащего змея. Но дракон, сытый и равнодушный, даже глазом не повел – только постучал для порядка по яркой траве тяжелым ребристым хвостом. Граф, ласково погладив Рика сразу по трем головам, попросил садовника увести цербера в дальний вольер в саду. «Не пугай ни дракона, ни людей, дорогой, – сказал граф обиженному Рiku. – Выспись как следует и отдохни сегодня от работы».

Возле Элли, которая перекидывалась вежливыми словами с сестрами Вернелли, появился Генриор. Высокий, серьезный, подтянутый, в темно-сером парадном костюме, он походил не на управляющего помещьем, а на истинного дворянина. Искристая седина добавляла облику благородства.

– Прощу меня простить, что прерываю беседу. Граф велел передать, что приглашает в Белый зал, – церемонно заявил он и добавил просто: – Элли, вам пора, в зале собираются гости, – и поспешно удалился – у Генриора всегда было много дел.

Элли, которая казалась такой хрупкой в открытом вишневом платье, отыскала глазами Раниту, улыбнулась, позвала ее (та поморщилась, но подошла) и обернулась к разряженным, надушенным, ярко накрашенным сестрам Вернелли:

– Дамы, это наша Нита. Она, как вы и желаете, покажет вам оранжерею. А я вынуждена вас оставить. Нита, будь добра...

Ранита, с высокой прической, прикрытой белой кружевной наколкой, в коротком темно-синем платье со снежно-сияющим передником, в лаковых туфлях на высоких каблуках, картинно развела руками:

– Я не Нита. Мое имя – Ранита. Служанка, – подчеркнула она, и Элли очень не понравился ее мрачный взгляд и ледяной тон. А Ранита продолжила: – Извините, но я крайне занята. Мне велено разнести подносы с шампанским. Это поручение Генриора. Если вам что-то требуется, обращайтесь к дворецкому – это он распределяет наши роли... на этом празднике жизни. Но, к вашему сведению, я не собираюсь показывать оранжерею, так как не проходила курсы экскурсоводов, – едко добавила она и, развернувшись на каблуках, преспокойно ушла, покачивая бедрами: стройная, высокая, привлекательная брюнетка.

– Какая противная девица! – хором воскликнули ахнувшие сестры Вернелли и принялись потрясенно обмахиваться веерами. – Какая грубиянка! Зачем вы ее держите в замке?!

– Нита хорошая... – растерянно пробормотала ошеломленная Элли. – Просто на нее что-то нашло.

– Элли, милая, это вы хорошая! Вот и не видите, что мерзкая горничная вам завидует, – пронизательно прищурилась старшая Вернелли. – Разве вы не понимаете, что она сама хочет блистать на балу?

– Нет, с ней что-то случилось... – пролепетала Элли.

Неизвестно, чем бы закончился этот бестолковый разговор (вероятно, возмущенные сестры уселись бы в дорогой экипаж и укатили в поместье, рассказывая всем подряд об отвратительно негостеприимной Розетте), но положение спасла Милена – старшая сестра Элли. Она появилась, как фея, – в струящемся фиолетовом платье, стройная, красивая, юная – не скажешь, что уже исполнилось тридцать – и тут же взяла всё в свои руки. Очаровала сестер милой беседой, отправилась с ними в оранжерею – только каблучки зацокали, – на ходу подмигнула Элли и даже успела слегка ее приобнять.

* * *

Милена приехала в Розетту поздним утром: веселая, энергичная, живая. Обратив внимание на бледное лицо младшей сестры, Милена поняла: у той на душе беспокойно, но не стала допытываться. Она вручила подарок, и Элли, развернув хрусткую золотую бумагу, обрадовалась, когда увидела браслет с разноцветными сердечками из самоцветов и маленькую золотую корону.

– Ты же наша принцесса! – Милена поцеловала сестренку.

Они вдвоем пили ароматный чай. Сестра рассказывала о чудесном приморском городе, где недавно поселилась, о будущем муже – известном докторе. Заметив у Элли подвеску из янтаря, Милена улыбнулась:

– Красивая! Простая, но элегантная. Папа подарил?

– Нет, один знакомый, – неопределенно ответила Элли. – Я потом расскажу.

Элли хотела поделиться с сестрой переживаниями, но не успела – пришло время причесываться и наряжаться.

Сестры виделись нечасто, но когда Милена приезжала в гости, для Элли наступал праздник. В городе они ходили в кино, сидели в кофейнях и угощались мороженым. Милена покупала Элли красивые безделушки и стильные наряды, а вечерами увлекательно рассказывала про модные клубы, музыкальные театры, морские прогулки.

Только про мужчин сестра говорила неохотно. Элли, конечно, знала, что Милена дважды была замужем и собирается в третий раз, но не лезла в ее личную жизнь. А Милена понимала: расскажи она всё – и тут же из юной красавицы превратится в женщину с тяжелой и запутанной судьбой.

* * *

Вечер для Элли был подернут туманом – она старалась не плакать, чтобы не вызывать ненужных расспросов, но слезы всё равно стояли в глазах. Тоска оттого, что закончились прекрасные встречи в ночном лесу, шевелилась в сердце непоседливым диким зверьком.

Она пыталась быть такой, как всегда: улыбалась, обнималась с давними знакомыми, с благодарностью разворачивала свертки с подарками (сережками и заколками, часиками и фарфоровыми статуэтками, брошками и сумочками), но не испытывала ни радостного возбуждения, ни счастья. Поведение Раниты ее поразило, но печаль из-за того, что на праздник невозможно пригласить любимого человека, заслонила другие мысли. Элли была рассеянной, потерянной, и лишь благодаря навыкам поведения в высшем обществе, привитым с детства, ей удавалось скрывать серую грусть. Разве что отец и сестра поглядывали на нее с беспокойством. А Элли все чаще прикасалась к янтарной подвеске, про которую сестры Вернелли пренебрежительно заметили: «Оригинальная штучка. Правда, как бы помягче сказать, недорогая».

Гости превосходно развлекались и без юной хозяйки. В Белом зале грянул вальс, и разноцветные, как диковинные птицы, пары весело закружились по паркету.

– Разрешите вас пригласить, дорогая Элли!

Она вздрогнула, словно очнулась ото сна, и дежурно улыбнулась. Это был герцог Готц, которого так расхваливал отец.

Крис Готц был высоким, полноватым, но привлекательным молодым человеком. Пожалуй, только губы его портили: верхняя тонкая, точно иголка, а нижняя – пухлая, как клубника; рот придавал облику герцога капризный вид.

Танцевать Элли не хотелось, но отказ назвали бы неприличным, поэтому она кивнула:

– Пожалуйста... – и герцог с готовностью взял ее за талию, прижав к себе несколько крепче, чем это диктовали правила.

Танцевать Элли умела – училась с детства, а Готц вел замечательно. Они быстро оказались в центре зала, и по замку пронесся легкий, как ветер, шепоток пожилых кумушек в тяжелых бархатных платьях: «Поглядите, поглядите на них! Прелестная пара... Она такая славная, хорошенькая... Ну что вы, девочка милая, как все девочки, а вот он – красавец! ...Дай бог, дай бог. Хорошие дети».

Элли ничего этого не слышала. Она односложно отвечала на вопросы кавалера, рассеянно улыбалась его несмешным шуткам, но думала только об одном: как жаль, что ее пальцы сжимает холеная, мягкая, украшенная фамильным перстнем рука Криса, а не крепкая и шершавая ладонь Дена! Как было бы хорошо прижаться в танце к нему, милому Дену! Прикоснуться к щеке, заглянуть в серые глаза – и увидеть искорки восхищения! Но рядом лишь Крис – молодой, богатый, но совершенно чужой человек. Посторонний.

Элли не замечала, что Крис смотрит на нее оценивающим взглядом. И не догадывалась, что, сжимая ладонь, он выражает чувства. Элли приглянулась Крису давно, а на новогодней вечеринке у Вернелли безумно очаровала. Правда, тогда она была другой: открытой, смешливой белокурой девочкой, вокруг которой, как синие мотыльки, вились подружки. Но и новая Элли, такая трогательная и задумчивая, была удивительно хороша.

Вальс закончился, и гости оживленными группками начали подходить к столикам с изысканными угощениями.

– Вы танцуете, скажу я вам, весьма неплохо, а для горожанки – так и вовсе хорошо, – похвалил Крис, не выпуская ее ладони. – Выпьем шампанского?

– Я не пью, – холодно пожала плечами Элли.

– Это похвально, но я хочу предложить тост за вашу красоту! – Крис церемонно поднял высокий хрустальный бокал. – А для вас мы попросим принести апельсиновый сок.

– Откуда вы знаете, что я люблю апельсиновый?

– Полагаете, собираю досье? – герцог усмехнулся. – Нет, я просто запомнил ваши вкусы. Правда, на новогоднем балу вы были веселее, а сейчас выглядите так, будто уже напились цитрусовой кислоты. Ну, ничего, вам и такой образ к лицу. Никому не обещайте следующий танец, слышите? Никому! Я вас приглашаю – и не смейте спорить.

– Я и не думала ни с кем спорить... – пробормотала Элли.

* * *

В Белом зале гремела музыка, мелькали пестрые платья и сияли разноцветные огни, а в уютной бежевой каминной было тихо, сюда доносились лишь дальние отголоски шумного праздника. Граф и его старшая дочь расположились в низких кожаных креслах возле изящного журнального столика и неспешно пили кофе с пышной сливочной пенкой.

– Обожаю кофе! Заказываю его во всех ресторанах, но нигде не варят так, как в нашей Розетте, – говорила Милена, с наслаждением поднося к губам перламутровую чашку и вдыхая аромат корицы.

– Не мешало бы и самой научиться, – ворчливо отозвался граф. – Сварить кофе – дело нехитрое.

– Да я ж белоручка! – рассмеялась Милена. – Дворянская доченька, что с меня возьмешь.

– Ну, этим кичиться не надо. Это Элли пока простительно. А в твоём возрасте уже можно и научиться чему-нибудь. Неужели твои мужья не просили хотя бы приготовить кофе или заварить чай? Сколько раз ты замужем-то была? Официально – два, а по сути?

– А по сути, папа, я скоро выйду замуж в третий раз и о прошлом не вспоминаю. У меня будет лучший в мире муж, а остальные меня не волнуют.

– Лучший? То-то, я гляжу, ты одна на праздник приехала! Все замужние дамы с супругами, невесты – с женихами, а ты снова самостоятельная.

– Георгу профессия не позволяет уезжать, – без тени обиды разъяснила Милена. – Он хирург, у него пациентов море. Вот, кстати, посмотри фотографию.

Граф вздохнул, достал из золотого футляра очки, нацепил их на нос и взял снимок. На него глянул узколицый темноволосый человек, уже немолодой – видно, за сорок, очень серьёзный, с глубокой морщинкой через весь лоб и сухо поджатыми губами. Карие глаза будто вопрошали: «А стоит ли знакомиться с вами, сударь?»

И граф расстроился: ничего общего с его беспечной старшей дочкой у этого мужчины не было. Видно, она покорила его красотой, молодостью, живостью, но эйфория пройдет, и от отношений останется только пыль. Значит, новый развод беспутной дочери, за которую давно совестно перед аристократичными соседями, не за горами. Первый-то брак у нее был правильный, дворянский. Муж – состоятельный, родовитый барон. Да кто о нем уже вспоминает? Говорят, где-то за границей живет...

Глава 9

Дворянские истории

– Ну, как тебе мой будущий муж? – поинтересовалась Милена. Она забрала у отца фотоснимок и аккуратно положила в лиловую гляцевую сумочку. – По-моему, почти идеал: хоть не дворянин, но серьезный, взрослый, с хорошей профессией. Да?

– Так-то так. Но, по-моему, староват для тебя. Не знаю уж, как вы находите общий язык.

– Прекрасно находим.

– У него же, ты писала, и дети есть?

– Да, двое. Дочка осталась с бывшей женой, а сын с нами.

– Так вы уже живете под одной крышей?!

– Папа, мы взрослые люди. И свадьбы у нас не будет. Сходим в ратушу и распишемся.

Граф сдвинул брови, неодобрительно покачал головой, хотел что-то сказать, но только тяжело вздохнул и махнул рукой:

– Ладно, тебе тридцать лет, поздно мораль читать. Так ты что, мужу даже кофе не варишь? Хоть служанка-то у тебя хорошая? А то при таком раскладе снова одна останешься. Потерпит тебя муж с месяц-другой, да и выгонит. Он, судя по фото, мужчина строгий.

– Не выгонит, папа! – улыбнулась Милена. – Всё у нас хорошо. А про белоручку я ведь пошутила. И служанки у меня никакой нет. Это я кофе варю плохо, а кашу – хорошо. И котлеты отлично жарю. Супы готовлю такие, что твою кухарку могу научить. И полы сама мою, и даже белье стираю.

– Да ты что! – разволновался граф. – Как так? Зачем? Это лишнее! Денег-то хватает?

– Хватает, не переживай. Мне домашние хлопоты только в радость.

– Нет, ты, родная, руки не порти, горничную найми или хотя бы машину стиральную пусть муж купит – не старые же времена! У нас теперь даже в замке машина.

Граф отпил кофе из перламутровой чашечки, помолчал, а потом сказал уже другим, печальным, не сварливым тоном:

– Очень я за тебя переживаю, дочь. Очень. Меня уже, поверь, и соседские шепотки не тревожат. Хочется, чтоб жила ты семьей, детей родила, не порхала, как синие мотыльки. Вот выходишь ты снова замуж – а душа у меня неспокойна. Твой ли этой человек?

– Мой, – серьезно сказала Милена – словно веселость с губ смахнула. – Я хочу с ним жизнь прожить.

– Живи, что же... Только, кажется, разные вы слишком. Дай-то небо, чтобы я ошибался. Привезла бы хоть с отцом-то познакомиться.

– Обязательно приедем! Как только будет посвободнее – сразу!

Милена выскользнула из кресла – зашуршал фиолетовый шелк платья. Шагнула к отцу, склонилась, обняла, прижалась лицом к его щеке.

– Не волнуйся за меня, – прошептала она. – Я другая стала, совсем другая. У меня столько в жизни случилось, что от той Милены, какой была в юности, ничего не осталось. Люди иногда так меняются, что поверить трудно. В любом возрасте судьбу можно переkreить, все карты перетасовать. И в мои тридцать лет, и в твои шестьдесят. Ты просто поверь!

– Нет, я-то – всё, мне-то поздно, – растроганно проговорил граф. – А ты береги себя, дочка. Будь счастлива.

* * *

Устроившись за одним из круглых столиков большого Белого зала, Элли глотала колючий лимонад и давилась приторным заварным пирожным. Есть не хотелось, но Крис, который не отходил от нее ни на шаг, назойливо настаивал: «Обязательно перекусите, Элли, а то вы такая бледная, и вас шатает, точно от ветра! Излишняя стройность – это не признак здоровья!» Легче было попробовать кусочек, чем убеждать молодого герцога в отсутствии аппетита.

Крис, закидывая в себя канапе и мясные нарезки, в деталях рассказывал, как сдавал сессии в элитном университете («Разумеется, пользовался дворянскими привилегиями и приходил на экзамены последним. Нет ничего проще! Зашел, вышел – получил „отлично“»). Жаловался на троллей, которых принял на работу: «За ними глаз да глаз! Только и думают, как бы облапошить!» Долго сетовал на то, как трудно в столице найти подходящий ресторан, чтобы хорошенько выпить с приятелями: «Всё занимает богатая, но тупая молодежь из низов!» Крис сообщил, что когда у него будут дети, он ни за что не позволит им общаться не только с городскими нищелюдьми, но и с состоятельными простолюдинами, – надо искать компанию в достойном дворянском кругу. «Но ведь дворян так мало, особенно в городе!» – удивилась Элли. На что Крис отреагировал мгновенно: «Значит, они будут дружить только с детьми из Лесного! Именно так. И точка!»

Элли не нравился его снобизм – она выросла в городе, где людей не делили на дворян и не-дворян. Только приезжая к отцу в Розетту, она попадала в средневековую сказку с замками, приемами, балами и единорогами. Но для герцога Криса это была обыкновенная жизнь, и другой он знать не хотел.

Дворянские истории Элли быстро наскучили, и она попыталась вставить несколько слов о городе, о школе, о живописи, которой давно увлекалась. Но быстро поняла, что молодой герцог ее не слушает, – ему были интересны только собственные рассуждения. Тогда Элли и вовсе перестала думать о герцоге, воспринимая его речь как белый шум. В голове билась только одна мысль: «Неужели я целый год не увижу Дена? А как жить без него? Я не смогу, не смогу!»

Грянула мазурка, за ней – чинный полонез. Крис не оставлял Элли ни на минуту, а когда к ним шагнул вертлявый и смешливый граф Барток и пригласил на танец «маленькую, но такую милую принцессу бала», виртуозно его отшил – вежливо, но определенно. И все мгновенно поняли: Элли не трогать! Молодой герцог имеет в отношении нее серьезные намерения.

Только Элли об этом не задумывалась. Ей нисколько не льстило внимание высокородного соседа, она не замечала завистливых взглядов юных дворянок. А если бы Ранита вдруг спросила, чем же не устраивает ее богатый и родовитый красавчик, Элли ответила бы: «С Деном тепло, а с Крисом – никак...»

Только Ранита ничего не спрашивала. Ее вообще не было видно. Накрывали столы и убирали посуду тоненькие, тихие и незаметные, как тени, приглашенные официантки, а где находится Нита, Элли понятия не имела.

А если бы узнала, поразились бы до глубины души.

Ранита, обняв острые колени, сидела на смятой постели графа Андреаса, брата Элли, и не было на ней ровным счетом ничего: даже белоснежная накрахмаленная наколка с головы слетела, и блестящие темные волосы рассыпались по обнаженным плечам.

Ранита плакала – не в голос, не навзрыд, но бесконечно горько, и тушь оставляла на нарумяненных щеках кривые черные ручейки. А граф Андреас, облаченный в серый халат, молча глядел в окно на ухоженные тропинки сада, будто там происходит невеста что интересное, и не думал ее успокаивать.

Глава 10

Графин с трещиной

– Ну, хватит ныть, – наконец проговорил Андреас, с неприязнью покосившись на Раниту. – Или оденься хотя бы, а потом уже поплачь.

Ранита, вытерев ладонью глаза, как была раздетая, медленно спустила ноги с кровати и побрела босиком в душ – он был здесь же, в покоях за дверью. Она ничем не прикрылась – совершенно не стыдилась Андреаса, и тот снова окинул цепким взглядом ее точеную фигуру. Тонкая талия – кажется, двумя пальцами можно обхватить. Крутые бедра, а ноги – как у балерины. Идеально плоский живот. Руки хрупкие, пальцы нежные, легкие – не скажешь, что занимается грязной работой. Серебряный гвоздик в пупке – удивился, когда впервые увидел. Кожа гладкая, сияющая. Волосы богатые – прикрывают ее, как дорогая шаль.

Эх, красивая всё-таки девка! Чересчур красивая. Жаль, что она всего лишь служанка, полойка, деревенщина. Была бы хоть городской студенткой, что ли, – можно было бы подумать о каком-то будущем. Да нет, и то вряд ли. Желу надо выбирать с умом, с прицелом, как говорится. А эта... Так, пустая девица, одна из многих – зачем она ему? Прислуга – а с таким гонором! Когда от встреч больше головной боли, чем удовольствия, пора их прекращать.

Раниты не было долго – гремела и плескалась в душевой комнате вода. Она вернулась, смыв с лица дорожки слез. На голову накрутила тюрбан из мягкого полосатого полотенца. Но снова ничего не надела – пришла с блестящими каплями на точеных плечах. Забралась с ногами на жесткое одеяло.

– Накинь что-нибудь! – бросил Андреас.

– А зачем? – с вызовом обернулась Ранита. – Или ты меня такую не видел? Стесняешься? Или боишься, что зайдет кто? Так дверь на замке.

– Я сказал, накинь! – резко повторил Андреас. Он встал, рывком вытащил из шкафа еще один свой халат – синий с ромбами; чертыхнулся – другие вещи комом полетели на пол. Швырнул халат Раните.

– Надевай. Довольно прелестями сверкать. Ведешь себя, как...

– А еще час назад мои прелести тебе нравились, – прищурилась Ранита, но халат всё-таки надела, завязала пояс слабым узлом. Правда, не потрудились запахнуть плотнее – теплая призывная ложбинка так и манила откровенным бесстыдством.

– Грудь прикрой! – приказал Андреас.

– А что вам, сиятельный граф, моя грудь? – криво усмехнулась Ранита. – Вроде красивая. Или не нравится? Так вы идите в Белый зал, там ваши графини-княгини всё напоказ выставили. Как на витрине: выбирай – не хочу! Только называют это приличным словом: декольтэээ... Тьфу! А так... Сиськи они и есть сиськи.

– Вот поэтому и хочу с тобой поскорее закончить! – прошипел Андреас, глянув Раните в черные глаза и стараясь не смотреть ниже. – Пошлая ты, характер у тебя противный. И слёзы твои крокодилы.

– Ну да, ну да. Я крокодилица, а вы, граф, бутончик-одуванчик... – она помолчала, видно, сглатывая комок в горле, и снова едко заговорила: – А ведь когда-то в любви признавался. Даже жениться обещал. Помнишь?

– Не ври. Не было такого. Никогда я не хотел на тебе жениться.

– Понятное дело! Трепался только. Да я же и тогда всё понимала. И всё-таки на что-то надеялась. Дура.

– Дура и есть. Заметь, ты сама себя так назвала, – отозвался Андреас, раздраженно взлохматив светлые волосы. – А то опять мне что-нибудь припишешь.

– Да что мне тебе приписывать, дорогой? Всё уже случилось. Я ведь чуть не сдохла из-за тебя, графин ты с трещиной! А тебе на это поровну.

– Теперь-то что переживать? – буркнул Андреас. – Живая и здоровая. И никак не уйдешь. Сидишь тут, на нервы действуешь.

Ранита покачала головой – слетел тюрбан из полосатого полотенца. Копна волос темной тучей легла на плечи, густые пряди спрятали и лицо, и жаркую ложбинку.

– А ведь ты мне и спасибо не сказал за то, что я тебя от скандала спасла... – задумчиво проговорила она. – Зря, конечно, спасала! Когда залетела, надо было плюнуть на всё, уйти в деревню – и рожать. А потом принести твоему отцу подарочек – вот, мол, внучок ваш, любите и воспитывайте. А мне дайте денег мешок.

– И за что это тебе денег мешок? – криво ухмыльнулся Андреас. – За какие такие заслуги?

– А я бы сказала так: «Денег не дадите – заберу сына в деревню. И будет графский внучок гусей пасти, коров доить, в хлеву за свиньями прибираться. Но молчать не буду! Всем расскажу, всем покажу, как растёт родной внук графа – хозяина Розетты!» Я твоего отца знаю, он размазня. Ребенка бы забрал, а меня в деревню отправил бы, да только сначала золота бы отсыпал, чтоб к младенцу не ходила. Щедрые получила бы отступные.

– Дрянь ты, вот и всё. О деньгах жалеешь, а о ребенке нет.

– Можно подумать, ты о ребенке жалеешь! А я о нем думаю иногда, – горько проговорила она. – Родила бы, глянула. Если на тебя оказался похожим, себе бы оставила. А если бы в меня пошел или, скажем, девчонка родилась – графу бы отдала. А чего такого? Она бы, как Элли, в золоте росла! Как королева! Лучше уж так, чем в убогой деревне. Но теперь-то что говорить. Нет ни парня, ни девки. И не знаю, будут ли еще.

– Так надо было к врачу идти, а не к знахарке! Я что тебе говорил? Зачем денег давал?!

– Боялась я к врачу... – глухо отозвалась Ранита. – У нас все бабы с этим делом к знахарке ходят. А что было потом, я не помню. Только боль, боль, боль – и темно. Мать уже к гробовщику ходила, узнавала, сколько стоят похороны. Если б не Серж, точно бы умерла. Когда ему в Холодные скалы телеграмму прислали, он сразу с хорошим врачом приехал. Так и вытащили с того света.

– Серж – это ведь парень твой? Из деревни?

– Ну.

– И что, простил тебе, что ты со мной погуляла?

– Вроде простил.

– Так что ты от меня-то хочешь? – в сердцах выкрикнул Андреас. – Что ко мне лезешь? Ну, не получилось у нас ничего. Ну, нет ребенка. Так выходи за своего Сержа! Забудь про меня! Я ведь вообще не собирался больше с тобой трепаться! Ты же сама сегодня, как меня увидела, прибежала, прижалась своими...

– Декольтээээ... – ехидно протянула Ранита.

– Да, – кивнул Андреас.

– А ты весь такой вежливый – и отказать не смог.

– А ты из себя жертву не строй! – вспыхнул Андреас. Голубые глаза вспыхнули недобрым светом. – Сама виновата. Ведь ты не от того ноешь, что я тебя видеть больше не хочу. И не от того даже, что от ребенка избавилась. А потому что мечта твоя развалилась. Ты же хотела в графини записаться! Думала, потрясла... Да-да, декольте!.. зацепила придурковатого графа – и прыг из служанки в дворянки! Потом детей бы родила, в замке осталась. А вот не получилось! Так что не надо мне тут про любовь да про разлуку. И вообще. Что ты здесь торчишь? Одевайся давай! Иди, помогай Генриору. За что тебе жалование платят?

– Жалование, говоришь... – скривила губы Ранита. И вдруг соскользнула с постели, стекла, как ручей, к креслу, где сидел Андреас, обволокла, как облако, его ноги, усыпала жгучими быстрыми поцелуями. Он дернулся, хотел отстраниться – не успел.

– Послушай меня, минутку послушай, – заговорила она жарко, поспешно. – Андреас, милый! Не надо мне ни замка, ни денег, ничего. Замуж тоже не надо. Только об одном прошу: не бросай меня! Пожалуйста! Живешь в столице – ну и живи! Найдешь хорошую девчонку – женись. Пусть у вас дети будут, всё будет... А я – здесь, в Розетте. И я для тебя – всё, что хочешь! Всё, что скажешь! Хочешь – парня брошу! Не нужен он мне, не люблю я его. Ни за кого замуж не пойду. Всю жизнь буду здесь полы натирать, тебя ждать. Приезжай, уезжай... Только возвращайся! Всегда! Ко мне! Люблю тебя очень... Знал бы ты, как люблю...

Андреас отцепил девушку. Резко встал – Ранита вскочила, пронзила его безумным взглядом. Хотела обнять – но Андреас перехватил ее руки, с силой толкнул на постель.

– А ты, оказывается, из липучек... – презрительно проговорил он. – Из жвачек... Вот уж не думал. Ты мне такой гордой казалась. Я-то полагал, ты мне пощечину влепишь, обругаешь последними словами. А ты целый спектакль устроила. Надо же!

Ранита подняла валяющееся на постели полосатое полотенце, крепко прижала к пылающим щекам, долго сидела, спрятав лицо. Наконец, убрала полотенце – и глаза уже были сухие, и взгляд другой. Словно та Ранита, которая только что валялась в ногах у молодого графа, исчезла – и появилась иная. Жесткая, мстительная и непримиримая.

– Значит, совсем я тебе не нужна, – раздельно сказала она, словно подводя жирную черту.

– Совсем.

– И видеть ты меня больше не хочешь?

– Не хочу.

– И не боишься меня, конечно?

Андреас неприятно засмеялся, показав мелкие блестящие зубы.

– А что мне тебя бояться? Не зарежешь – духу не хватит. Колдовать ты тоже не умеешь, а то давно бы меня приворожила. Это ты меня бойся. Вот что я решил: нечего тебе делать в замке. Ты уволена. Сегодня же скажу Генриору. Расчет у него получишь. Деньги дам хорошие. Я не жадный.

– Наплевать мне на работу, на деньги. Я бы сама ушла, только ради тебя здесь торчала. Но знай: я обиды не забываю.

– Угрожаешь? – хмыкнул Андреас. – Да ты еще и дура. Если б у меня невеста была, я б тебя опасался. Ты бы ей, конечно, наплела всякой ерунды. Только невесты у меня нет! А то, что я с доступной девкой погулял, – так это не грех, она сама дает, только бери.

– Всё о себе, любимом, думаешь... – Ранита тряхнула черными волосами. – В большой семье разное бывает, а ты ведь над дворянской честью дрожишь пуще, чем над алмазами! Пожалеешь, что мой спектакль смотрел!

– Да что ты? Это ты пожалеешь! Так бы шастала по замку, трясла... декольте, бездельничала, деньги приличные получала. А теперь придется плестись обратно в свой курятник. Или где ты там работала, не помню.

– А я в курятник идти не боюсь! – Ранита поднялась, неспешно стала собирать разбросанную по полу одежду: короткое темно-синее платье, изящный фартук, накрахмаленную белую наколку. Достала из-под кровати туфли на высоком каблуке. Пошарив по смятой постели, нащупала кружевное белье, чулки в мелкую сеточку. Принялась одеваться – открыто, бесстыдно. Молодой граф тряхнул головой и снова отвернулся к окну.

– Не боюсь я курятника! – громко повторила Ранита, шагнув к огромному зеркалу и приглаживая волосы деревянной щеткой. – Я и в замке его устрою. Всё, как надо, получится. Все вы кудахтать будете!

– Да заткнись ты! – выдавил Андреас. – Шмотки собирай и проваливай. Вот и всё.

– Всё? – ухмыльнулась Ранита, прилаживая к волосам кипенно-белую наколку. – Ошибаешься, граф! Да это только начало!

Она посмотрела в зеркало, отперла замок и ушла, громко хлопнув дверью.

Глава 11

Сладкая месть

Ранита брела по дальнему пустому коридору, прислушиваясь к отголоскам праздника в Белом зале, – и вдруг прислонилась к стене, увешанной сентиментальными пейзажами. На пасторальных картинках весело светило солнце, пышно колосилась рожь, порхали синие мотыльки и беспечные птички – и как все это было далеко от настоящей сельской жизни, грязной работы, безденежья и безнадёги!

Слез больше не было, но главное – не осталось надежды. Только едкая злость и черное желание отомстить (всем, всем отомстить!) рвали ее сердце.

Ранита страстно стремилась отомстить Андреасу за разрушенную любовь – ни перед кем она так не унижалась, как перед этим смазливym графом! Отомстить ему же за то, что велел избавиться от ребенка! Отомстить всему графскому семейству: эти богатеи испокон веков живут в старинном замке и наслаждаются его роскошью, а ей приходится натирать люстры и, ползая с тряпкой, мыть полы. Да и этого она теперь лишена – придется с позором возвращаться в ненавистную деревню. Отомстить Генриору за придирки, отомстить бестолковому старому графу... только за то, что он граф! Отомстить Милене – она дворянка, ей можно путаться с мужиками, раз за разом выходить замуж, и никто не посмеет в глаза назвать ее гулящей! Отомстить Элли: за ней, красоткой, ухаживает молодой миллионер, а эта дурочка куксится и витает в облаках. А она, Ранита, стоит здесь, растоптанная, и вся жизнь летит под откос.

В сердце Раниты давно разгорелась лютая ненависть к графской семье – с того страшного вечера, когда она, заплаканная, раздавленная стыдом и страхом, распласталась на не слишком чистом столе толстой и грубой знахарки Руфильды. А когда тело пронзила первая боль – жуткая, острая, обжигающая, будто вонзили раскаленный прут, летучей мышью проникла в сознание темная мысль: «Никому не прощу!»

Она выжила – и прощать не собиралась. Ранита долго думала, как насолить мерзкому семейству, – и тут подвернулась Элли.

Элли! Нежный цветочек, доверчивый котенок, милая принцесса. Элли, рожденная не с серебряной, а с золотой ложкой во рту! Любимая доченька графа. Младшая сестричка Андреаса. Тьфу, приторно от этой патоки!

Как же граф Андреас чтит традиции! Как обожает замок! Как гордится титулом! Как сердится на Милену, меняющую мужей, как перчатки, на мать с отцом за то, что не сохранили видимость благополучной семьи, и даже на пропавшего в детстве брата! Ведь это ужасно! Трагично! Всё это наносит удар по чести дворянской фамилии!

Честь фамилии, говоришь? Ну-ну. Я покажу, какая рвань осталась от вашей драгоценной чести...

Когда наивная Элли впервые согласилась пойти ночью в лес, в сердце Раниты загудели, запели гулкие и опасные струны. Получилось! Получилось! А как вовремя граф отправил Генриора в город! Этот въедливый старикан непременно что-нибудь разнюхал бы. И хорошо, что трехголового монстра с собой прихватил, а то отравила бы его ненароком сонным отваром – вот крику было бы!

Теперь только бы Ден повел себя, как надо, думала она в те дни. Как было бы прекрасно, если б он потерял голову от страсти и соблазнил графскую доченьку! Ведь она такая хорошенькая, такая ладная, глаз не отвести! На таких блондинок-ромашек все мужики заглядываются. А главное – она сама, сама явилась в подлунную чашу! Не силой же ее притащили! Значит, девочка хочет любви, ищет приключений. Так целуй, ласкай, раздевай! Пусть поломается для

виду – ты-то свое возьмешь! Может, ей и понравится. Может, только этого девочке-принцессе и нужно.

Дена Раните тоже несколько не было жаль, хотя она прекрасно понимала, что за такую связь он может лишиться головы. А что его жалеть? Сто лет как помолвлен с бессловесной, как козочка, Долли, а никак не женится, всё тянет что-то, отговаривается, находит пустые причины. Ден – такой же, как все парни! Не надо ему груза, не надо заботы! Зачем семья, когда деревенские девки, как мухи, сами к нему липнут? Знают ведь, что он жених Долли, а бегают за ним табуном.

Но на поляне что-то пошло не так. Между Деном и Элли вспыхнули чувства – да только не такие, какие желала бы видеть Ранита. Ден не спешил лезть к принцессе с объятьями, берег ее, как хрустальную вазу, и боялся обидеть не только поцелуем, но и лишним словом. А ведь, будь он посмелее, и придумывать бы ничего не пришлось! Элли влюбилась, потеряла голову. Да расстегнул бы он ей пуговку на вороте, признался в вечной неземной любви – и она сама кинулась бы к нему там, возле озера, со всей глупой романтической страстью! За неделю, если б повезло, он бы ей и ребенка сделал. Посмотрел бы тогда сиятельный граф Андреас на блестящую дворянскую честь, если б юная птица-сестрица в подоле принесла! Да от кого? От деревенщины! Какой красивый получился бы скандал! Вот пусть бы и думал тогда Андреас вместе с отцом, тащить ли девочку к врачу или все-таки оставить незаконного младенца. Нет, Андреас бы и сестру не пожалел. Сразу бы привел в замок доктора...

Как жаль, что Ден оказался тюфяком! Ну, что же делать. Ранита всё равно своего добьется! Не зря она долго копила деньги, чтобы купить одну маленькую, дорогую, но очень полезную штучку...

Правда, сегодня, когда она увидела графа Андреаса в одном из неприметных, скудно освещенных переходов замка, – невозможно красивого, элегантного, со скептическим прищуром ярких голубых глаз, – Ранита подумала, что, может быть, и отложит план мести, если Андреас к ней вернется.

Она давно не рассчитывала ни на что: ни на свадьбу (какая там свадьба с наследником Розетты?!), ни даже на деньги. Но если бы Андреас, которого она когда-то боготворила, проявил хоть немного теплоты, если бы пообещал, что она останется если не любимой, то хотя бы любовницей... Может быть, тогда Ранита не стала бы выполнять то, что задумала. Может быть...

Но молодой граф повел себя иначе. Быстро взял, что хотел, – и выставил вон.

Что ж, тогда и Ранита будет играть по своим правилам. На войне как на войне.

* * *

Элли, проводя вечер в компании Криса, откровенно скучала и пропустила ключевой момент, когда распорядитель праздника, веселый и лопухий господин Тишот, приподнятым тоном вызвал в круг принцессу бала. Все засмеялись, оживились, зашумели. Молодые люди, разгоряченные флиртом, шампанским и танцами, принялись громко хлопать, а кое-кто, забыв о приличиях, звонко закричал: «Элли, Элли!»

– Фи, как на стадионе! – поморщилась младшая госпожа Вернелли, и ее сестра важно кивнула и обмахнулась дорогим веером.

Элли, услышав, наконец, свое имя, растерялась, посмотрела по сторонам и увидела радостные, возбужденные лица.

– Ну что же вы заставляете себя ждать? – упрекнул герцог Крис. – Принцесса бала – это ведь вы. Так что же медлите? Покажитесь гостям!

Элли встала, шагнула вперед – и господин Тишот, манерно поклонившись, галантно подхватил ее под руку, повел с собой. Поднявшись по ступенькам, Элли оказалась на невысоком

ажурном балконе под прицелом сотни глаз – и музыка, грянув, тут же умолкла. Элли вдруг вспомнила, как в детстве любила с этого балкона пускать в Белый зал мыльные пузыри, а Генриор советовал делать это на улице – горничным не просто оттирать с мебели мыльные пятна. Отец отмахивался: «Да ладно тебе, Генриор! Не приставай к ребенку. Пусть делает, что хочет».

– Вот она, наша принцесса! – воскликнул господин Тишот. – Маленькая хозяйка великолепного бала! Юная роза в чудесном саду Розетты! Волшебная веточка славного графского древа! Господа, а сейчас наша дорогая графиня Элалия объявит белый танец и назовет имя счастливец, который закружится с ней в последнем вальсе этого восхитительного, потрясающего, незабываемого вечера!

– Белый танец, дамы и господа! – проговорила Элли как можно уверенней, и все снова дружно и радостно хлопало.

– Так кого вы приглашаете? – громко и поинтересовался господин Тишот, поднеся к ее губам большой микрофон – новомодную блестящую новинку. – Ну же, принцесса! Будьте смелее! Отбросьте смущение, решайтесь!

Элли видела, как многозначительно улыбнулся Крис. Он не спеша поднялся из-за стола, вальяжно оперся о сахарно-белую колонну – ему явно нравилось внимание публики. Никто не сомневался, что Элли выберет именно его. Вариантов не было – даже если имелись другие поклонники, герцог всем твердо дал понять, что маленькая принцесса – его трофей.

– Я приглашаю... – медленно начала Элли.

Позже, бесконечно обсуждая, смакуя и пережевывая то мгновение, никто не мог вспомнить, как на балконе возле Элли и веселого господина Тишота оказалась горничная – тонкая, дерзкая девица с безумными черными глазами. Ранита выдернула у распорядителя микрофон и, даже не глянув на маленькую графиню, хрипловато, с надрывом выкрикнула:

– Денис Дин! Ден из деревни! Ден – вот кого приглашает принцесса!

– О небеса, кто это еще такой – Денис Дин? Какое простецкое имя! – презрительно проговорила старшая Вернелли, обмахиваясь великанским веером из страусовых перьев.

– А вот и он! – истерично провозгласила Ранита и махнула в сторону неприметной двери под лестницей. Служитель, ответственный за освещение, машинально направил туда луч – и все, ахнув, увидели Дена.

Он был бледен, как стены, обитые белоснежным шелком, но в глазах его прыгали молнии. Мускулистый, высокий, большой, Ден отличался от всех, как если бы крепкий дуб вырос на поляне с чахлыми рябинками. Как же не гармонировала его зеленая рубашка с черными фраками изумленных гостей! Как же не вписывался он в эту богатую обстановку! Как не похож был ни на кого из чопорной публики!.. И как же бешено забилося сердце маленькой принцессы!

– Ой! – воскликнула потрясенная Элли, и глаза ее стали круглыми и блестящими, как бронзовые люстры со свечами – когда-то стеариновыми, а теперь электрическими. Она коснулась янтарной подвески, похожей на искорку от костра... и замерла, потому что Ранита снова отчаянно закричала:

– Дамы и господа, вы сами всё видите! Ден – парень из деревни Ключи! Тот, кого принцесса любит! Тот, с кем она ночует! И знайте – это абсолютная правда!

Крис Готц, герцог и без пяти минут жених, ошеломленно выпрямился... и не двинулся с места.

– Да отберите же кто-нибудь у этой гадины микрофон! – все услышали крик графа Андреаса и увидели, как, разрезая гудящую толпу, спешит к балкону Генриор – его лицо было мучнисто-бледным. Пришедший, наконец, в себя господин Тишот выхватил микрофон у Раниты, но она, перегнувшись через ажурные перила, продолжила надрывно кричать:

– Элли, Элли, ты же этого хотела? Ну что ты стоишь? Вот твой любимый! Приглашай кавалера! Танцуй! Пой! Веселись! Что ж ты не радуешься?

И тут случилось то, чего никто не ожидал, – даже, пожалуй, Ранита. Маленькая принцесса Элли, чьи щеки покрылись рваными красными пятнами, а на глазах выступили слезы, глянула Раните в глаза и негромко, но отчетливо проговорила:

– Почему же – не радуюсь? Я радуюсь!

Она легко спрыгнула по ступенькам, подхватив подол длинного вишневого платья, порхнула к Дену и крепко схватила его за руку.

«О-о-о...» – гулко, густо, горячо прокатилось по бальному залу.

Глава 12

Переполох в «курятнике»

Но уже через секунду Элли с ужасом поняла, что так делать было нельзя. Ни в коем случае, хотя Ден крепко сжал ее хрупкую и холодную ладонь. И дело не в том, что с грохотом рухнула ее репутация, – из трогательной принцессы, милой хозяйки прекрасного бала она в один миг превратилась в посмешище, бессовестную девицу, с которой стыдно даже дышать одним воздухом.

И даже не в том, что уже спешил к ней вместе со взволнованной Миленой побледневший, потрясенный, будто даже постаревший отец.

Она навредила Дену, да еще как! Подвела его! А может, разрушила жизнь! Ведь отношения сельского парня с дворянкой, да еще несовершеннолетней, в королевстве вне закона, а она своим безумным порывом всем о них рассказала! Взяла и оповестила, будто в газете объявление опубликовала: «Между нами связь». И в этом слове «связь» кроется нечто тайное, серое и мутное.

А ведь это не так! Что было-то, кроме нескольких встреч и катаний на лодке по озеру? Что было, кроме... поцелуев нынешней ночью? При воспоминании о них щеки Элли вспыхнули сумасшедшим огнем.

Элли помнила про приличия, про нравы, про традиции, про графский титул – всё это жарким вихрем пронеслось в ее голове. Но не могла, не могла она равнодушно смотреть, как тот самый Ден, укутывавший ее курткой, игравший светлые мелодии на гитаре, приносивший алые яблоки с ароматом конфет, признававшийся в любви – и любимый, безумно любимый! – стоит вот так, прямо и одиноко, под безжалостными выстрелами десятков любопытных и осуждающих глаз. Будто картонный человек с мишенью в сердце в парковом тире.

Она впервые увидела его не в сумерках на опушке, не в лодке под луной и звездами, не возле костра, когда на лицо падают оранжевые блики. А здесь – в богато наряженном зале под ярким светом бронзовых люстр. И хотя Ден выглядел так инородно, так странно, как глиняный кувшин в горке с хрусталем, он несколько не казался жалким и нелепым. В этом сдержанном парне чувствовалась сила, а в серых глазах занимался огонь. И искры этого огня вспыхивали пламенем в Эллином сердце.

Как Элли могла сделать вид, что незнакома с Деном? Как могла притвориться, что впервые его видит? Ведь для этого пришлось бы высокомерно отвернуться и холодно заявить что-то вроде: «Какая чушь! Горничная сдурела от зависти! Да выгоните вы его, наконец! Кто пустил чужака на праздник?! Уволить охрану!» Но у Элли не было сил произносить эти фальшивые слова.

Всё это, кстати, говорила Миленка, причем не фальшиво, а громко и искренне, но кто ее слушал?

– Элли, милая, прости, что пришел, – вдруг услышала она горький шепот Дена. – Я бы никогда, ни за что тебя не подставил! Теперь у тебя будут неприятности. Но ведь она кричала, что тебя надо спасать! А я, безмозглый, поверил.

«Мои неприятности – пустяки, я боюсь за тебя!» – хотела было ответить Элли, но не успела. Она заметила, как Ранита, которую она еще пять минут назад считала лучшей подругой, выхватила из перекинутой через плечо синей сумки-конверта пачку каких-то бумаг или картона. Подоспевший Генриор перехватил ее руку, но Ранита успела швырнуть бумагу в зал.

Элли с ужасом поняла, что это фотографии. Одна из карточек легла ей под ноги, Элли подхватила ее, посмотрела – и почувствовала, как трудно стало дышать, тяжелая боль упала в солнечное сплетение. Два силуэта на берегу – сидят, обнявшись. Фото темное, мутное, фигуры

смазанные. Но, если приглядеться, вполне можно понять, что хрупкая девушка, склонившая голову к плечу крепкого парня, – это Элли. Юная принцесса. Младшая графская дочь. «И когда она успела нащелкать? – с тоской подумала Элли. – Я и не знала, что у нее есть фотоаппарат...»

– Я не понял, а почему же прервался бал? – раздался вдруг холодный голос герцога Криса. Во всеобщем переполохе он прозвучал так невозмутимо, что перекрыл охи и восклицания. – Вы же видите – принцесса выбрала достойного кавалера. Что ж, кому-то жить в замке, кому-то в землянке. Поздравьте новую пару – и продолжайте танцевать. Я не знаю, как пляшут сельчане. Видимо, вприсядку. Графиня Элли вас научит. Графиня, начинайте отплясывать, не стесняйтесь! Только на подол платья не наступите, а то, чего доброго, упадете. А падать-то ниже уже некуда. Благодарю графа Мишеля за великолепный вечер, особенно за роскошный финал. Праздник удался, он был поистине незабываемым, – герцог церемонно поклонился и быстро направился к выходу.

Вслед за ним, чуть помедлив, двинулись и другие гости. Чрезвычайно скандализованные дамы в ужасе обмахивались веерами. Однако никто из тех, кому удалось поймать разбросанные фотокарточки, не выпускал их из рук, – всем хотелось сохранить пикантный сувенир.

Ранита постаралась, чтобы сувениров хватило всем. Накопить на фотоаппарат было не так уж сложно: за работу в графском замке неплохо платили, да еще и кормили бесплатно, а отправлять деньги в деревню не было нужды: сестер и братьев не имелось, а мать сама зарабатывала на жизнь, обучая девочек шитью в местной школе.

Гораздо сложнее было отыскать того, кто сможет напечатать снимки, да еще до поры до времени держать язык за зубами. Но и с этим справилась: сбегала пару раз на рынок за свежими продуктами, поболтала с зеленщиком, с молочником – так и нашла парня из деревни Холмы, который увлекается фотоделом. Денег ему заплатила прилично, да что о них жалеть.

А устроить представление с участием Дена оказалось совсем просто! Стоило только выбрать момент, пробраться в закуток в пустынном зеленом холле, где на стене висит один из вычурных телефонных аппаратов, и позвонить, благо в дом Дена недавно провели связь. После разговора с Андреасом Ранита была на взводе – истерика получилась правдоподобной.

«Ден, дорогой, беги скорее в Розетту или приезжай на рабочей машине, я тебя встречу! Если тебе нравится Элли! Если она тебе хоть чуть-чуть нравится! – повторяла она взхлёб и горько всхлипывала. – Граф обо всём узнал, он надавал Элли пощечин за ночные гулянья, а меня прогнал со скандалом! Но знаешь, что он потребовал?! Граф сказал, что если к нему сейчас же, сию минуту, не явится кавалер его дочери, то Элли он лишит наследства и отправит в закрытую школу типа тюрьмы. Ден! Поверь, если ты не придешь, он это сделает! Обязательно! Граф говорит, что хочет всего-навсего посмотреть тебе в глаза... Ден! Приходи, пожалуйста! Элли плачет, она тебя ждет, она надеется, ей очень, очень плохо!»

Конечно, она рисковала – и весь план мог полететь к чертям. Будь Ден немного рассудительнее и хладнокровнее (да просто умнее!), он бы зевнул и скучным голосом заявил: «Ранита, какая, к черту, Элли! Ты всё напутала. Моя невеста – Долли! А если какая-то принцесса вляпалась в историю, это ее проблемы. Отстань от меня и не звони больше!»

Она бы и тогда кинула гостям фотографии, но это получилось бы не так эффектно.

Но Ранита не ошиблась в Дене. Он помолчал только секунду. Одну длинную, как день, секунду. А потом сухо сказал: «Встреть меня у ворот».

В суматохе праздника, когда автостоянка была полна карет, машин, незнакомых кучеров и водителей, а Рик недовольно ворчал в вольере, провести Дена в замок и вовсе не составило труда. Не отвечая на вопросы, она протащила его за руку по пустым коридорам свободного от гостей хозяйственного крыла и втолкнула в крошечную комнатушку, одна из дверей которой выходила к лестнице Белого зала. «Будь начеку. Позовут – сразу выйдешь!» – заявила Ранита и ускользнула. Этот рохля послушался – на свою беду и на ее удачу. Сам виноват: надо думать, во что ввязываешься, и не играть в благородство. Кому оно нужно, это великодушие?

Чего хотела, того и добились! Устроила в богатом «курятнике» великий переполох – вон как все кудахчут и хлопают крыльями. Теперь не она, Ранита, облита грязью, а вся семейка помётом обляпана – да еще как! Вовек высокомерные графья не отмоются! А завтра в «Дворянском вестнике» выйдет статья об этой истории. До столицы шум докатится! И пусть граф Андреас подумает, стоило ли так поступать с Ранитой. Ведь он пока не женат! Сможет ли найти девушку из богатых, родители которой согласятся отдать ее в оскандалившуюся, опозоренную семью? Да нет, конечно! Никогда не найдет! Да и деловые партнеры будут смотреть на него с подозрением.

Что толку, что у графского семейства останутся деньги, замок, акции, банковские счета, слуги? Богатые соседи отвернутся, полезные связи порушатся, а сами владельцы Розетты станут всеобщим посмешищем!

«Да, но ведь у них действительно останутся и деньги, и замок, и счета... – эхом вернулась в воспаленные суждения Раниты непрошенная здравая мысль. – А вот ты с чем останешься? Со скандальной славой? Ни в один богатый дом тебя теперь не возьмут! Как и говорил Андреас, вернешься к свиньям и курам. Если еще не арестуют. Да и в деревне будут смотреть как на дуру и неудачницу».

Но эта мысль мелькнула – и потонула в море болезненного возбуждения. Оттолкнув Генриора, Ранита соскочила по лесенке с балкона, сорвала с прически белоснежную накрахмаленную наколку и в сердцах наступила на нее острым каблуком. Длинные густые волосы рассыпались по плечам. Тряхнув ими, будто лев – гривой, она побежала к выходу, не взглянув ни на Дена с Элли – они так и стояли, взявшись за руки, будто каменные истуканы, ни на старого графа, ни на Андреаса.

– Остановите ее! – хрипло выкрикнул Генриор. – Пусть задержится и объяснится!

Но никто ее не остановил. Гости, еще не успевшие покинуть замок, смотрели на Раниту с болезненным любопытством и отодвигались, как от прокаженной, будто боялись, что и в их добропорядочные семьи нахальная девица внесет разброд и сумятицу. Только Милена схватила девушку за запястье, но та бросила на нее бешеный взгляд и легко высвободила руку.

Элли глядела на происходящее, как на черно-белую киноленту, и думала лишь о том, как бы поскорее всё закончилось.

То, что было дальше, осталось в ее памяти лоскутами, кусками, обрывками. Она помнила, как распорядитель господин Тишот, дрожащий от волнения, не бледный, а даже какой-то зеленый, то и дело повторял: «За двадцать лет работы первый раз такое... За двадцать лет работы первый раз такое...», пока Милена не оборвала его: «Прошу, не переживайте так! Свой гонорар получите сполна. Еще и доплатим. Полагаю, вам пора: ваш дракон уже заждался, как бы не закусил кем-нибудь от скуки». Элли увидела, как куда-то поспешил Андреас, – его лицо было перекошено, и никто в тот миг не назвал бы его красавцем.

К Элли шагнул граф, глянул странным, болезненным взглядом, неловко вскинул руки. Элли показалось, что отец хочет ударить ее, но тот лишь легонько провел ладонью по ее светлым волосам, осуждающе покачал головой. Обернувшись, хрипло заявил: «Господа, приношу глубочайшие извинения за сорванный праздник!» На Дена он даже не посмотрел.

Потом всё закрутилось еще быстрее: примчался старый встрепанный сторож, а с ним какие-то люди – несколько незнакомых молодых парней. Они оторвали Дена от Элли, куда-то повели. Один из них держал тонкую веревку – видимо, чтобы связать Дену руки, но тот толкнул его плечом: «Не трогай! Сам пойду» – и парень отступил.

Элли рвалась за Деном, повторяла, что он ни в чем не виноват, но ее никто не слушал. Милена, взяв сестру за плечи, увела в маленькую каминную комнату и никого туда непустила, даже отца.

«Всё кончено...» – подумала Элли. Она и не подозревала, что всё только начинается.

Глава 13

Сестра

Элли плакала, опустившись в роскошном вишневом платье на цветной ковёр возле громоздкого камина. Напрасно сестра уговаривала ее сесть в кресло, что-то внушая про сквозняки и простуды, – Элли не слушала и только сбивчиво повторяла: «Милена, что мне сделать, чтобы отпустили Дена? Ну скажи, куда пойти? К кому? Что подписать? Я на всё согласна! Даже если мы больше с ним не увидимся! Главное – пусть его отпустят! Пусть его освободят прямо сейчас!»

Сестра молчала; присев на корточки, она сжимала ледяные руки Элли. Потом ушла и быстро вернулась: на серебряном подносе она принесла чашку горячего чая с ломтиком лимона и блюдец с шоколадным пирожным. Поставила поднос прямо на ковер, легонько коснулась Эллиного плеча.

– Ну, всё, малышка. Выпей чаю. Слезами горю не поможешь, – сказала она, качнув высокой, тщательно уложенной прической.

– А чем, чем поможешь? – Элли подняла на сестру голубые, полные слез глаза. – Дена арестовали, как преступника! Как убийцу! Как грабителя! А он ведь ничего... ничего! За что его? Что ему будет?

Она закрыла ладонями лицо, зарыдала, и Милена печально вздохнула.

– Малышка, если ты будешь так плакать, то заболеешь, и тогда уж точно ничего хорошего не выйдет. Не надо. Для начала попробуй успокоиться, – сестра посмотрела на Элли, коснулась ее подбородка и вдруг, нахмурившись, заявила совсем иным тоном, знакомым лишь людям другого круга. Такую Милену в замке не знали. – Слушай-ка, сестрица. Слушай меня, я сказала!

От неожиданности Элли оторвала от мокрого лица ладони, ошарашенно, перепуганно глянула на сестру – и Милена тут же крепко схватила Эллины запястья, сжала тонкими пальцами, украшенными замысловатыми кольцами:

– Элли, вот что. Из того, что ты сидишь и реवेशь, толку не выйдет. А нам нужен результат. Я сейчас буду говорить – а ты пока молчи. Ясно? – она выдохнула и сбавила тон. – Ты мне доверяешь?

– Да... – прошептала Элли. – Тебе – доверяю.

– Тогда вот что. Давай сначала примем эту ситуацию. Просто примем – и всё. Что случилось, уже не исправить. Будем менять то, что в наших силах. Вот скажи, мы сейчас где?

– В каминной...

– Нет! В полной заднице! – полновесно выдала Милена и спокойно коснулась своего плеча – поправила крылышко фиолетового искристого платья. – Ну и что? Это со всеми бывает! Давай думать, как из нее выйти.

Милена глянула в изумленные, широко распахнутые глаза Элли, усмехнулась и продолжила:

– Сестренка, мне тридцать лет, я не только во дворцах жила, разное повидала. Ты думаешь, произошло самое страшное? Да нет! Поверь мне, нет! Все живы и здоровы! Значит, надо действовать. У нас три проблемы, – деловито заговорила Милена, загибая пальцы. Она увидела, что водопад Эллиных слез стал ручейком, и заговорила с еще большим воодушевлением. – Первая проблема – скандал в Розетте.

– Нет, первая проблема – то, что Дена арестовали!

– До этого еще дойдем, а пока остановимся на самом малом – гости, сплетни, слухи и всё такое. Это неприятно, но не смертельно. Я через это прошла, когда с бароном разводилась.

Потреплются да забудут. Конечно, наш дорогой брат расстроится – уж очень для него важна дворянская позолота. Но ничего. Попереживает – и переживёт.

– Не только Андреас... – пробормотала Элли. – А папа? А мама?

– Мама пошумит да простит, будто ты сама не знаешь, – улыбнулась Милена. – Вот папа – это проблема номер два! Но он не о скандале тревожится, а о тебе, конечно. Так сильно переживает, как бы сердце не прихватило. Так что не убивайся, побереги отца! Ладно, папу я беру на себя. Объясню, что конец света не предвидится и с тобой всё будет хорошо.

– Какая разница, что будет со мной? – снова принялась всхлипывать Элли. – Что будет с Деном? Надо объяснить, что он ни в чем не виноват! Я ведь сама пошла гулять ночью с Ранитой! Сама! Тогда пусть и меня арестовывают!

– Ранита! – хмыкнула Милена. – Всё она... – Милена явно хотела добавить крепкое словцо, но сдержалась. И развела руками. – Ну да, ты тоже не права. Зачем шататься по лесу ночами? Повезло еще, что не убили тебя, дурочку, не изнасиловали. Счастье, что обошлось! А Ден – проблема номер три. Он, видно, тот еще фрукт.

– Никакой он не фрукт! – воскликнула Элли и вспомнила хрустящие красные яблоки с запахом конфет.

– Да? А зачем с тобой связался?

– Просто я ему понравилась.

– Умник какой! Нашел бы девчонку в деревне – и пусть себе нравится! А он, видишь, на графскую дочь глаз положил. На богатую и знатную. Вы, кстати, не спали, надеюсь? – деловито поинтересовалась сестра.

– Что ты!

– Да или нет?

– Нет! Нет, конечно!

– Это уже неплохо.

– Милена, его арестовали! Когда его выпустят? Как ему помочь? Ему обязательно нужно помочь!

Милена неодобрительно покачала головой, но, подумав, решительно произнесла:

– Слушай. Только ради тебя. Не ради этого Дена – мне на него наплевать! Я обещаю: попробую разобраться. Раз у вас хватило ума не спать вместе, то парня, думаю, скоро освободят. А потом пусть катится на все четыре стороны.

– Ты не знаешь... Он такой добрый, такой...

– Да, да, я уже поняла: самый замечательный и привлекательный, – оборвала сестру Милена. – Вот только мог бы сообразить, что не стоит с дворянкой связываться. Взрослый мальчик – должен знать, как это опасно. Не по плечу игру затеял.

– Это не игра! Милена, а где он сейчас? В Тиссе? В управе? Давай съездим!

– Утром съезжу и все узнаю. А тебе лучше о нем не думать.

– Ты что! Это невозможно.

– Ох, малышка... – Милена из резкой, категоричной прожженной дамы вновь превратилась в добрую, мягкую сестру. – Первая любовь часто бывает горькой... – она коснулась янтарной подвески-капельки. – Он подарил?

Элли кивнула, потом, наконец, взяла чашку, глотнула чаю, отвернулась и сипло произнесла:

– Пусть с ним всё будет хорошо. А мной всё кончено. Я теперь позор семьи. Навсегда.

Милена глубоко вздохнула. Потом проговорила негромко:

– Знаешь, Элли, когда я первый раз от Андреаса услышала, что я – позор семьи, а потом прочитала то же самое в «Дворянском вестнике», долго убивалась. Ведь я не хотела Розетте позора! Но не могла я жить с мужем-бароном. Он уже на свадьбе начал моим подружкам глазки строить. С первого дня изменял, а сам ревнивый был – ужас! Сначала за ворота выйти не

позволял, потом – из замка, наконец – из спальни. Кое-как я от него ноги унесла. Папа сначала меня не понял, не поверил – хорошо, что мама поддержала. Сколько было слёз, сколько нервов! Но ничего, справилась. Через пару лет за второго вышла – не дворянина, но богатого. Думала, любит меня, буду жить как за каменной стеной. А оказалось, ему только титул мой дворянский нужен, чтобы дела устраивать. Снова ушла – тогда и опубликовали ту статейку: мол, беспутная дочь графа порхает по мужикам. Там, конечно, как-то иначе было написано – вроде, «Милена меняет мужчин в зависимости от времени года...» Я была в ужасе! Какие времена года? У меня, кроме тех двоих, и не было никого! Вот тогда я поплакала – и рукой махнула. Решила, что буду жить, как хочу. Ошибок, конечно, много наделала, разных глупостей натворила, но ничего, жива осталась. Я поняла: боль пройдет, шелуха осыплется. Главное – жить.

Сестры сидели на пестром ковре, пока небо за окном не стало темно-лиловым. Милена предложила Элли отправиться в свою комнату – и та вздрогнула. Выйти из каминной? Придется объясняться с отцом и братом. Видеть глаза прислуги: понимающие, любопытные, ехидные. Отводить виноватый взгляд от Генриора – ему тоже пришлось несладко.

Элли вздохнула и решила:

– Конечно, я выйду, – тихо проговорила она. – Если ты сможешь меня отвезти. Нет, не к Дену! Не к Дену. Просто в управу, к стражникам. Я смогу сказать, убедить...

– Элли, перестань. Сейчас ночь, не надо никуда ехать. Надо просто отдохнуть. Подожди минутку.

Милена ушла, плотно прикрыв дверь, и Элли услышала, как она кому-то настойчиво объясняет, что маленькую графиню беспокоить не нужно. Вскоре сестра вернулась – принесла пижаму, подушку, простыню и клетчатый плед.

– Будешь спать здесь, на диванчике, – определила она. – А завтра будет видно.

Милена не сказала Элли, что не собирается ждать следующего дня. Внутри нее – быстрой, прямой, деловой – всегда горел едва сдерживаемый огонь. При мысли, что придется томиться до утра, он жег душу просто нестерпимо.

Она вышла из каминной комнаты и нашла Генриора – это было нетрудно, тот руководил слугами, которые прибирали в Белом зале: они уже смели серпантин, сняли праздничные украшения и фонарики, а теперь иначе расставляли столы. Голос у него был такой же, как всегда: уверенный, низкий, отчетливый, но, если прислушаться, можно было понять, что он прячет за уверенностью и раздражение, и надрыв, и печаль.

– Генриор! – Милена решительно шагнула к нему. – Как вы?

– Я? – искренне удивился Генриор и встал посреди зала, опершись на высокую спинку подвернувшегося стула. – Госпожа Милена, вы интересуетесь моим самочувствием? Правда?! Когда весь уклад замка летит к чертовой матери, вы спрашиваете, как дела у дворецкого? У недалекого, черт побери, старикана? У лопуха-дворецкого, который проворонил всё, что мог?

– Генриор! – с упреком воскликнула Милена, поражаясь, что такой хладнокровный человек чертыхается и выходит из себя. – Во-первых, вы не дворецкий, а управляющий. Во-вторых, ничто никуда не летит. А в-третьих, нам с вами нельзя терять голову. Кто-то же в этом доме должен оставаться в хорошей форме! И не называйте меня, пожалуйста, госпожой, ведь вы знаете меня с младенчества. Давайте хоть мы с вами будем не истерить, а заниматься делами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.